В

С. Г. ТУМАНОВ

ГК625
Т943

В борьбе за советы

1950

С. Г. ТУМАНОВ

В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТЫ

(ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА СОБЫТИЙ В ТЮКАЛИНСКОМ УЕЗДЕ)

ОМСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1950

К.
1986

Под редакцией и со вступительной статьёй
В. С. Молотова.

ГК625
Т943

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
652660

Редактор *М. К. Иоффе.*
Технический редактор *Н. В. Бисеров.*
Корректор *В. И. Берендеев.*
Подписано к печати 10|X 1950 г. ПД02848.
Инд. П-2, Тираж 10 000 экз. 3,83 уч.-изд. л.
Бумага 60×92 $^{1}/_{16}$ — $1^{3}/_{8}$ б. л. — 2,75 п. л.
Цена 1 р.

Адрес издательства: Омск, ул. Театральная, 6.

Типография издательства „Омская правда", Омск, ул. Декабристов, 47. Заказ № 5982.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга С. Г. Туманова раскрывает одну из страниц героической борьбы трудящихся Омской области за установление Советской власти. Автор её — очевидец и активный участник событий, правдиво и просто рассказывает об одном участке борьбы за Советскую власть в Омской области, который освещён наиболее слабо. Если события, происходившие в Омске, более или менее обобщены (хотя также недостаточно), то события, развернувшиеся за пределами губернского центра, почти совершенно не отражены в местной литературе.

Воспоминания Туманова — по существу — первая попытка восполнить этот пробел и поэтому представляют большой интерес.

Одним из существенных недостатков книги Туманова является то, что в ней не использованы важные документы Омского архива; в книге отражено только то, что видел и запомнил сам автор. Особенно сказывается отсутствие документальных материалов, относящихся к деятельности тюкалинской большевистской организации. Но это — не вина автора. К сожалению, архивные документы периода Октябрьской революции и гражданской войны в Тюкалинске не сохранились и поэтому тов. Туманов не мог воспользоваться ими.

Воспоминания Туманова относятся к 1917—1919 гг. Во вводном разделе автор рисует страшный быт дореволюционного Тюкалинска — глухого, заштатного провинциального городка, и прилегающих к нему волостей, где властвовали, по образному выражению автора, жадный, хитрый эксплоататор-купец и ещё более алчный хищник — кулак-мироед и их старательные помощники — царские чиновники-казнокрады и духовенство. Как спруты, они всасывались в тело трудового народа и выжимали из него все соки, — пишет Туманов.

Автор приводит вопиющие факты произвола, ничем не ограничиваемой безудержной эксплоатации трудящихся города и деревни. Алчность эксплоататоров доходила до того, что они, чувствуя полнейшую безнаказанность, убивали своих батраков, лишь бы не оплатить людям заработанных ими жалких грошей.

Уездный исправник за взятку готов был замять самое страшное преступление.

Царские чиновники-казнокрады и взяточники, духовенство прилагали все силы, чтобы держать народ в темноте и невежестве.

На всю огромную территорию Тюкалинского уезда, почти равную нынешней Омской области, насчитывалось только 8 школ. В самом Тюкалинске имелось одно двухклассное приходское училище. Зато как в городе, так и в деревнях было много церквей, сектантских молитвенных домов и, разумеется, кабаков.

Но Тюкалинск «знаменит» был не только этим. Через него проходил известный своей печальной славою этапный тракт, в нём была расположена этапная тюрьма, и это придавало городку особый колорит. Иногда партии арестованных достигали 150 человек. В кюветах дорог ещё и сейчас строители находят следы этого страшного прошлого — заржавевшие кандалы и истлевшие кости замученных и убитых в пути «арестантов».

Тяжёлая, изнуряющая эксплоатация, безудержный разгул кучки хищников-эксплоататоров, беспрерывный звон кандалов и лязг оружия — всё это наводило на трудящихся города и деревень уезда уныние, страх, и многим из них казалось, что нет и не будет надежды на светлое будущее.

Но зрело классовое самосознание трудящихся уезда. Через политических ссыльных, фронтовиков, омских большевиков рабочие тюкалинских предприятий (паровой мельницы, кожевенного и кирпичных заводов и других), а также сельская беднота узнавали о великих классовых битвах, происходивших в крупных городах страны, в том числе и в Омске, узнавали о деятельности большевистской партии и её вождей Ленина, Сталина, и у них росло стремление приобщиться к великой революционной борьбе русского пролетариата.

Архивные документы свидетельствуют о существовании в Тюкалинске профессиональных союзов ещё в 1906 г. Например, когда в 1906 г. в Омске началась длительная забастовка приказчиков, то тюкалинские приказчики, объединённые в профессиональный союз, прислали омским товарищам телеграмму, в которой выражали свою солидарность. Видимо, организованы были в профессиональные союзы и некоторые другие слои трудящихся города.

Но на политическую борьбу в Тюкалинском уезде наложили отпечаток такие факторы, как отдалённость города от промышленных центров и железной дороги, крайне слабое развитие промышленности. Революционное движение долгое время носило здесь стихийный, неорганизованный характер, хотя классовые противоречия достигли и в этом захолустье такой стадии, что достаточно было искры, чтобы разжечь пожар острой классовой борьбы.

В такой обстановке встретил Тюкалинский уезд Февральскую революцию.

«Проходили последние дни масленой недели, — рассказывает автор, — был март 1917 г. Мещане и мелкие торговцы города, следуя издавна заведённому обычаю, шумно гоняли по улицам взмыленные тройки лошадей. Всюду слышались задорные переборы гармоник и надсадный рёв похабных песен. В богатых купеческих особняках шла пьяная оргия, гости объедались блинами, оладьями, опивались хмельными мёдами, дорогими винами, подготавливая желудок к «великому постованию». На улицах, особенно около кабаков, на «утеху» всем дрались перепившиеся мастеровые». И вот в этот затхлый мир вдруг врывается свежий ветер революции. «Отцы» города всячески стремились скрыть от населения вести о свержении царя, но эти вести прорвались в Тюкалинск и всколыхнули людей. Веками накипавшее народное возмущение взорвалось и озарило ярким светом самые глухие «медвежьи» углы.

В центре уезда — Тюкалинске — состоялась массовая народная демонстрация и в тот же день был создан революционный гарнизонный комитет. В деревнях стали создаваться беднотой сельские и волостные земельные комитеты.

Наиболее активную роль в создании этих органов народной власти играли солдаты местного гарнизона и бывшие фронтовики. Если солдаты местного гарнизона, вследствие близкого общения с городским населением, в большей мере, чем сельская беднота, были осведомлены о политических событиях, происходивших за пределами уезда, то возвратившиеся фронтовики зачастую непосредственно соприкасались с революционной борьбой в центре России, слышали выступления большевиков, читали большевистские газеты, листовки, нередко и сами активно участвовали в революционных выступлениях. Например, фронтовик Усольцев в период Февральской и Октябрьской революций побывал в таких крупных рабочих центрах, как Петроград, Киев, Брянск, вступил там в коммунистическую партию и даже был избран депутатом ряда Советов рабочих и солдатских депутатов. Не случайно поэтому, что именно он явился одним из самых активных организаторов Советской власти в Тюкалинском уезде. Боевыми помощниками его были вернувшийся вместе

с ним фронтовик Щекачёв и солдаты местной команды — Марацевич, автор настоящих воспоминаний Туманов и другие.

Кулаки, купцы, промышленники, духовенство и эсеры оказывали ожесточённое сопротивление пролетарской революции. В своих воспоминаниях автор убедительно и правдиво рассказывает о подлых, коварных «деяниях» всех этих врагов революции, которые особенно обнаглели после того, как почувствовали поддержку со стороны эсеро-меньшевистских и кадетских властей в Омске.

Как известно, до сентября 1917 г., то есть вплоть до выборов в Учредительное собрание, в Омске существовала так называемая объединённая социал-демократическая партийная организация, и меньшевики имели в ней довольно значительный удельный вес. Кроме того в Омске имелись сравнительно сильные эсеровская и кадетская организации. Это привело к тому, что после Февральской революции в Омске образовались органы власти, полностью подчинённые Временному буржуазному правительству (Коалиционный Комитет, Городская Дума), а Советы рабочих и солдатских депутатов оказались под сильным влиянием соглашательских партий.

Омская большевистская организация, возглавляемая З. Лобковым, вела в это время упорную борьбу за массы и шаг за шагом отвоёвывала позиции у своих противников. Однако эсеро-меньшевистское и кадетское засилие сказывалось на политической жизни уезда и в особенности деревни. Реакционные силы Омска всячески стремились поддержать и организовать своих единомышленников.

Характерный случай в этом отношении произошёл и в Тюкалинске. Гарнизонный революционный комитет арестовал и по требованию Коалиционного Комитета отправил в Омск бывших главарей уезда — исправника Стадлера, начальника гарнизона Крутик-Гор-Тубанского, крестьянского начальника Брейтовского и других; Омский же Коалиционный Комитет буквально через несколько дней освободил их и ещё снабдил справками «о благонадёжности».

Однако реакционные силы были уже не в состоянии приостановить революцию. Беднота города и деревни, возглавляемая большевиками, всё активнее поднималась на борьбу со своими угнетателями и их агентами — эсеро-меньшевиками, пытавшимися задержать революционные выступления народа. Так называемый организатор эсеровской партии в Тюкалинске Сараханов, выступая на одном из собраний, признал, как рассказывает автор: «За последнее время корни большевизма всё глубже проникают в наш уезд».

15 декабря 1917 г. в Тюкалинске возникла самостоятельная большевистская организация. Возглавил её вернувшийся с фронта коммунист Усольцев. Правда, организационно эта

первая большевистская ячейка не была оформлена, партбилет был только у одного коммуниста Усольцева, но деятельность её была направлена на решение тех задач, за которые боролась большевистская партия.

Под руководством Тюкалинской большевистской организации в Тюкалинске был проведён первый уездный съезд Советов, создан первый уездный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, образованы сельские и волостные комитеты. Под руководством большевиков была проведена национализация наиболее крупных промышленных предприятий, начаты учёт, конфискация и распределение среди бедноты кулацких и церковных земель, учёт и конфискация у кулачества излишков хлеба для снабжения местной бедноты и отправки голодающим рабочим промышленных центров Республики.

Работа Тюкалинской большевистской организации проходила под руководством омских большевиков. К сожалению, автор не располагал достаточными сведениями и документами, отражающими руководящую роль омской партийной организации, её помощь тюкалинским большевикам, и рассказывает об этом скупо, бегло.

В 1917 г. омские большевики, возглавляемые стойким коммунистом Лобковым, провели огромную работу по разоблачению соглашательских партий, изоляции их от народа и завоеванию масс. Когда в декабре 1917 г. в Омске были проведены перевыборы Городского Совета рабочих и солдатских депутатов, большевики получили в Совдепе подавляющее большинство.

Омская большевистская организация и большевистский Совдеп развернули после этого энергичную работу по укреплению Советов в городе и на местах. В Омске состоялись 3-й Западно-Сибирский съезд Советов, 3-й Западно-Сибирский съезд крестьянских депутатов, конференция казачьих депутатов, Чрезвычайный продовольственный съезд Урала и Сибири.

Решения всех этих съездов и конференций направлены были на дальнейшее углубление, расширение пролетарской революции и укрепление её экономических и политических позиций и стали широко известны во всех концах Западной Сибири.

Для разъяснения и реализации этих решений омская большевистская организация посылала во все уезды губернии своих уполномоченных. Неоднократно приезжали такие уполномоченные из Омска, как упоминает автор настоящей книги, и в Тюкалинск. Они помогали местным партийным организациям в формировании и укреплении органов Советской власти, в разрешении земельных, финансовых вопросов и т. д.

Омская большевистская организация и Омский Совет рассылали также во все уезды губернии решения, директивные указания, листовки, газеты. Кроме того, в сёла отправлялось значительное для того времени количество промышленных товаров для крестьян.

Всё это имело огромное значение для усиления влияния большевистской партии в деревне и для укрепления органов Советской власти на местах, в частности, в Тюкалинском уезде.

Существенным недостатком в работе тюкалинской большевистской организации являлось то, что она своевременно не проявила необходимой твёрдости и бдительности в отношении местных эсеров, недооценила опасности их агитации и не добилась изоляции этих предателей от трудящихся. В результате, лидеры тюкалинских эсеров — Калябин и Кианов-ский оказались избранными в Усовдеп, возглавили важнейшие его отделы и, пользуясь этим, нанесли трудящимся уезда огромный ущерб. Они вели гнусную подрывную работу в городе и на селе, организовывали и направляли против советских органов и большевиков местные контрреволюционные силы и даже прибегали к прямым диверсионным актам. Однако фракция большевиков при Усовдепе, как именовала себя большевистская тюкалинская организация, долгое время ограничивалась только общей агитацией против эсеров, не принимая более энергичных мер. С. Г. Туманов, хотя и отмечает этот существенный недостаток в работе тюкалинских большевиков, но не вскрывает корней столь ошибочной политики местной партийной организации.

В то время, как в Тюкалинске шла борьба за укрепление Советов, вдали от него назревали события, предрешившие судьбу Советской власти в Сибири. Американские, английские и французские империалисты путём подкупа, шантажа и лживой пропаганды готовили чехословацкий корпус для выступления против Советов. Им помогало в этом реакционное офицерство корпуса. В то же время эсеры, меньшевики и другие агенты буржуазии в тесной связи с иностранными империалистами подготовляли заговор внутренних контрреволюционных сил. 7 июня 1918 г., после упорных двухнедельных боёв пала Советская власть в Омске, а 11 июня в руках белогвардейцев оказался Тюкалинск.

Из-за отдалённости от Омска и нарушения связи с ним, вступление белогвардейцев в Тюкалинск для тюкалинских большевиков оказалось неожиданным. Многие из них — Усольцев, Щекачёв, Марацевич и другие в тот же день были арестованы и после зверских истязаний брошены в тюрьму. Вскоре такая же участь постигла многих организаторов Советской власти в сёлах уезда. При этом каратели проявляли исключительное зверство. «Для карателей, направленных в

сёла, — пишет автор брошюры, — не существовало никаких законов правосудия. Всё решалось по личному усмотрению возглавлявшего бандитский отряд. Стоило только кому-либо из кулаков из-за личной неприязни показать пальцем на человека и сказать: «этот шёл за большевиками», как его арестовывали и пороли публично, на улице».

Однако жестокие репрессии не сломили мужества и стойкости тюкалинских большевиков. Одни геройски погибли, оказывая сопротивление при аресте, другие (Туманов, Голубев, Дунцов, Лавровский) скрылись и стали подготовлять вооружённое восстание против белогвардейцев. Восстание было приурочено ко дню мобилизации в белогвардейскую армию (16 августа 1918 г.) и явилось не только одним из первых, но и одним из крупнейших восстаний крестьян Омской губернии в период гражданской войны. Как рассказывает автор, повстанческий отряд насчитывал около 400 вооружённых крестьян.

После этого партизанская борьба в уезде не прекращалась ни на один день. В партизанские отряды шли не только бедняки, но и середняки. Многие крестьяне уходили в северную часть области для соединения с партизанским отрядом Избышева.

Каратели жестоко расправлялись с «непокорными». Вдохновителями и организаторами этих зверств были американские и англо-французские интервенты. «Колчаковские военные карательные отряды и солдаты местной тюкалинской команды, обмундированные в английскую военную форму и вооружённые с ног до головы за счёт иностранных интервентов, разъезжали по деревням и творили своё кровавое дело, бесчеловечно расправлялись с семьями, кормильцы которых ушли в партизанские отряды. Жёны и сёстры партизан на глазах всего населения подвергались зверским истязаниям».

Перед отступлением из Тюкалинска, колчаковцы жестоко расправились с арестованными большевиками. Они на штыках выносили их из тюрьмы и живыми бросали в яму. Руководил этой расправой французский полковник Мокри.

Но чем больше свирепствовали каратели, чем больше усиливались мобилизации и реквизиции, тем больше возрастало сопротивление трудящихся масс. В то же время с Запада, из центра России, неудержимой лавиной надвигались войска Красной Армии. И 11 ноября 1919 г. — за три дня до освобождения Омска — Тюкалинск снова стал советским.

Так закончилась героическая эпопея борьбы тюкалинских большевиков за родную Советскую власть, правдиво и просто описанная очевидцем и участником событий тех дней С. Г. Тумановым.

За годы Советской власти неузнаваемо изменился облик Тюкалинска.

Тюкалинский район стал одним из передовых в нашей области районов высокоразвитого социалистического сельского хозяйства. Крупные советские и коллективные хозяйства его оснащены первоклассной техникой, многие из них электрифицированы.

На месте мрачной этапной тюрьмы ныне высятся корпуса одного из наиболее крупных в области средних учебных заведений — сельскохозяйственного техникума. Если раньше «просвещали» трудящихся уезда одни лишь церкви, то сейчас здесь открыты десятки начальных, семилетних и средних школ; если раньше «развлекали» народ кабаки, то сейчас к услугам трудящихся кинотеатры, клубы, библиотеки. Достаточно сказать, что жители Тюкалинска выписали в 1950 г. около 19 тысяч экземпляров газет и журналов. Все колхозы, совхозы района радиофицированы, имеют свои клубы, библиотеки.

Тюкалинск располагает одной из крупнейших в Омской области районной библиотекой. С 1930 по 1950 г. книжный фонд её с 3 тысяч увеличился до 26 тысяч томов. На базе её отделов недавно были созданы две новых библиотеки — городская и детская. В городе есть свой кинотеатр, дом социалистической культуры, при котором работают различные кружки художественной самодеятельности.

Старожилы рассказывают, что до революции в Тюкалинске имелась только одна плохонькая больница на 5—6 коек. Сейчас в городе оборудованы большая районная больница с специальными отделениями — хирургическим, терапевтическим, инфекционным, детским, глазным, бруцеллёзным, гинекологическим, поликлиника, женская и детская консультации, туберкулёзный диспансер, рентгенокабинет. Кроме того, в Тюкалинске функционируют санитарно-эпидемиологическая, санитарно-гигиеническая, противомалярийная и молочно-контрольная станции, трахоматозный пункт, детская молочная кухня, пункт скорой помощи. Если раньше на весь город имелось только два фельдшера, то сейчас здесь насчитывается 19 врачей и 92 работника среднего медицинского персонала, десятки медицинских работников обслуживают население непосредственно на селе.

Так изменился за годы Советской власти облик Тюкалинска.

Неузнаваемы стали сёла и деревни Тюкалинского района. Заглянем в одно из сёл — Атрачи. Только в послевоенное время здесь были выстроены большой, хорошо благоустроенный клуб, гараж на две автомашины (они уже приобретены колхозом), мельница, несколько скотных дворов и десятки жилых домов для колхозников. Строительство произво-

дится добротно, на кирпичном фундаменте. Село имеет небольшой кирпичный завод, для которого приобретена механизированная установка.

В селе Атрачи есть семилетняя школа, медицинский пункт, почтовая контора, библиотека, детские ясли. Весь колхоз радиофицирован. Ведётся также подготовка к электрификации села и механизации труда на колхозных фермах.

Коренным образом изменились люди села и их взаимоотношения. Почётом и славою пользуются рядовые колхозные труженики — мастера высоких урожаев, вожаки и запевалы колхозного труда.

Таковы великие перемены в жизни одного из бывших захолустных уголков Сибири.

Книга С. Г. Туманова повествует (хотя далеко и не полно) о тех исторических днях, когда под руководством большевистской партии и вождей рабочего класса Ленина и Сталина создавалась основа для сегодняшнего нашего счастья.

Трудящиеся Тюкалинского района, как и весь советский народ, устремлены сейчас к новым победам в мирном хозяйственном и культурном строительстве. «Как и весь советский народ, — повторяем мы вслед за автором, — тюкалинцы знают только один путь — это путь, указанный Лениным и Сталиным, путь к коммунизму!»

Вл. МОЛОТОВ

Сыто, пьяно и по-своему весело жилось купцам, чиновникам-казнокрадам в Тюкалинске — бывшей Ямской слободе, переименованной в 1822 г. в город.

Голодно же и безрадостно влачило своё существование всё остальное четырёхтысячное население маленького городка — рабочие паровых мельниц, кожевенных и кирпичных заводов, пимокатен, маслобоен, полунищие кустари-одиночки, мелкий служилый люд.

Хозяином Тюкалинска был жадный хищный эксплоататор-купец. Он держал в своих руках торговлю мясом, маслом, лесом, мехами — всем тем, что производили трудящиеся уезда; как спрут, он всосался в тело трудового народа, выжимал у него последние соки.

Купцы вершили судьбы всего уезда. По воле местного купечества город остался в стороне от железной дороги. Вначале магистраль проектировалась вдоль тракта через Тюкалинск. Но местные титы титычи — Афонин, Силин, Ивлев, Блендовский и другие (они именовали себя «отцами города», народ же называл их вампирами), нажившие свои капиталы на поте и крови народной, пуще всего боявшиеся всяких новшеств и конкуренции, дали солидную взятку «кому следует» — и направление железнодорожного полотна было изменено. Город остался в стороне от железной дороги. Мимо Тюкалинска проходил только гужевой тракт, по которому следовали этапы ссыльных.

Немало политических пленников самодержавия прошло по этому страшному тракту, немало их перебывало и в Тюкалинске.

Простым и обычным было, когда у стен острога (переименованного затем в этапную тюрьму) гремели выстрелы хранителей застенков и слышался топот погони. Конвоиры на глазах у жителей пристреливали и прикалывали штыками «за попытку к бегству» подневольных своих спутников.

Правой рукой, опорой купечества был уездный исправник, ловкий немец Стадлер, крестьянские начальники* и духовенство трёх городских церквей. Они — начальство и духовенство — кто нагайкой, а кто «словом божьим» призывали непокорных «рабов божьих» к повиновению и смирению.

В городе было единственное учебное заведение — двухклассное приходское училище. Но не многим детям бедноты удавалось попасть в это жалкое подобие школы.

Для «просвещения» и «развлечения» народа в Тюкалинске существовали десятки кабаков и столько же явных и тайных публичных домов.

Не легче, чем городской бедноте, жилось беднейшему крестьянству и батракам в нашем уезде. Полным властелином деревни был кулак-мироед, опутавший сельских тружеников, закабаливший их.

Беспощадная кулацкая эксплоатация, непосильные налоги и поборы, недород, голодовки были постоянным бичом трудового крестьянства.

Трудно описать, как тяжело и с какой безнадёжностью жило батрачество. У таких кулаков, как Третьяков, Коровин (село Буслы), Чернов (село Черново), батраки работали от зари до зари без единого дня отдыха (праздников для батраков не существовало) и ночевали в хлеву вместе со скотом.

Иной батрак, если он и жил в работниках у кулака в своей деревне, не имел возможности в течение 3—4 месяцев побывать в семье. По окончании договорного срока работник никогда не получал за свой труд полной оплаты. Бывали случаи, когда при окончательных расчётах батраки расплачивались своей жизнью. Жадность кулака иногда доходила до того, что он шёл на убийство, лишь бы не заплатить батраку заработанных денег. Помню случай, когда кулак взялся подвезти работника домой в ближнюю деревню и в пути зарубил его, а труп бросил в болото. Это зверское убийство было совершено только ради того, чтобы не оплатить человеку заработанных им 3—5 рублей. Так поступил со своим батраком кулак села Буслы Третьяков.

Жаловаться на зверство кулака было совершенно бесполезно, а в частых случаях весьма рискованно для жалобщика, так как исправник Стадлер — друг-приятель всех богатеев за приличную взятку готов был замять самое страш-

---

* Крестьянские начальники существовали при всех уездах (по 2, по 3 на уезд) и подчинялись, наряду с исправником, непосредственно губернатору. В их обязанность входило разрешение всех крестьянских вопросов своего участка. Разумеется, они заботились в первую очередь об интересах зажиточных крестьян.

ное преступление; так же действовали волостные власти — старшины, писари, избранные из местных же кулаков.

Избиения батраков хозяевами были самым обычным явлением.

Доля крестьян-бедняков почти ничем не отличалась от батрацкой. Имея своё «самостоятельное» хозяйство, крестьянин-бедняк фактически находился в полной зависимости и постоянной кабале у кулачества.

Для того, чтобы засеять свой ничтожный надел земли, бедняк брал взаймы семена у кулака и после такого займа попадал в вечную кабалу к мироеду; не было у бедняков и тягла для обработки своих жалких наделов. Стремление бедноты обработать землю «супрягами» (объединение нескольких хозяйств) встречало также отпор со стороны кулачества. «Супряжникам» объявлялся своего рода бойкот: волостные старшины категорически запрещали под страхом уголовной ответственности всякие «супряги».

Бедняк, осмелившийся выразить недовольство, упрекнуть своего эксплоататора, дорогой ценой расплачивался за «непокорность» местной власти, его заносили в чёрную книгу «бунтарей», начисляли ему какие-то дополнительные налоги, отнимали как у «неплательщика» последнюю коровёнку, а иногда и избу. Жаловаться было некому, защиты искать бесполезно. Бедняк шёл «залить своё горе» в кабак, прося денег опять-таки у кулака и попадая в ещё большую кабалу.

Не только старшины и урядники помогали кулакам держать в повиновении трудовое крестьянство; «смирению и послушанию» учили свою паству духовные отцы, которых было немало в сёлах. Помимо многочисленного церковного причта в уезде процветали всякого рода религиозные секты. Несмотря на различие этих сект, все они проповедывали повиновение богу и царю, преклонение перед имущим, ибо «несть власти, аще не от бога».

Для поддержания веры и повиновения периодически мистифицировались всякого рода «чудеса» и «явления». В середине XIX столетия, например, в селе Кутурлы «явилась икона божьей матери». Это «событие» приурочено было к девятой неделе после праздника пасхи и послужило поводом для ежегодного праздника «девятая». На «девятую» стекалось до 12—15 тысяч верующих, съезжалось до сотни попов, приносились всевозможные «даяния» — деньги, одежда, обувь, хлеб, скот и прочие пожертвования, которые делились потом среди служителей церкви. За сотни километров пешком, в поисках «спасения и оздоровления», стекались сюда одурманенные люди. Активно действовала заранее подготовленная сложная церковная машина: открыты были склады

для приёмки хлеба, вещей, одежды, обуви; на берегу реки (на месте явления иконы) был поставлен высокий деревянный крест и к нему подвешена большая железная кружка для денежных жертвований.

Малейшие попытки разоблачить всю эту церковную ложь карались отправкой в арестантские роты, как было, например, с матросом Вьюшковым в с. Кобырдакском*.

Так, купцы, кулаки и церковники вместе с царскими чиновниками грабили и обманывали народ.

* * *

Проходили последние дни масленой недели. Был март 1917 г. Мещане и мелкие торговцы города, следуя издавна заведённому обычаю, шумно гоняли по улицам взмыленные тройки лошадей. Всюду слышались задорные переборы гармоник и надсадный рёв похабных песен. В богатых купеческих особняках шла пьяная оргия, гости объедались блинами и сладьями, опивались хмельными мёдами, дорогими винами, подготовляя желудок к «великому постованию». На улицах, особенно около кабаков и тайных шинков, на «утеху» всем дрались перепившиеся мастеровые. «Блюстители порядка» — городовые и полицейские — вместе со многими праздношатающимися всячески подзадоривали, «поддерживали дух» побеждённых, чтобы продлить драку, а затем, вволю насладившись бесплатным зрелищем, тащили тех и других в каталажку для вытрезвления.

Не принимали участия во всём этом масленичном веселье только «отцы города». Они сидели при закрытых дверях и обсуждали важный государственный вопрос — о совершившемся в Петербурге уже несколько дней тому назад свержении царя Николая II.

Городские заправилы, вроде городского головы Фирсова, исправника Стадлера, крестьянского начальника Брейтовского, купцов Силина, Афонина, Ивлева и других, всё ещё питали надежду, что петербургские вельможи и предприниматели снова возведут на трон царя и в России попрежнему воцарится «тишь и благодать» для купечества и прочих высших сословий.

Уже — 18 марта, а Городская Дума всё ещё хранит «в тайне» телеграфное известие из центра о революции в стране. Ей помогает в этом верный ставленник на телеграфе эсер Зар.

---

* Денис Вьюшков служил во флоте в 1905—1906 гг. и после демобилизации вернулся в родное село революционно настроенным. У себя дома он «осмелился» снять со стены икону и за это поплатился отправкой в арестантскую роту.

21 марта, когда по городу стали ходить смутные слухи о происшедшем в Петрограде, Дума попросила настоятеля церкви Задорина устроить крестный ход. Попы и их прислужники, не жалея голосовых связок, пели «Спаси, господи, люди твоя», выкрикивали, надсаживаясь от натуги, «Многие лета нашему благословенному императору Николаю Александровичу!» Однако крестный ход только усилил толки среди горожан.

Мы, революционно настроенные солдаты местного гарнизона попытались запросить по телеграфу о подробностях Омск, но заведующий телеграфной конторой эсер Зар ответил:

— Это дело вас не касается... Ваше дело служить и строго выполнять данную вами царю присягу.

Кроме того, Зар тотчас же сообщил о «дерзновенной попытке» солдат воинскому начальнику полковнику Крутик-Гор-Тубанскому, который вызвал нас к себе в кабинет и с издевкой сказал:

— Вы хотите знать, что делается в Петрограде? Извольте: сейчас же собирайтесь в дисциплинарный батальон и там вам всё расскажут подробно.

Однако известия о революции различными путями просачивались в город. Мать фронтовика Григория Цукало получила от сына коротенькое письмо, к счастью миновавшее цензуру Зара. Это письмо так всех нас потрясло тогда, что я до сих пор помню его содержание.

«Дорогая мамаша, наконец, мы дождались своего, — писал Григорий, — царя-кровопийцу сбросили. Это он навязал нам страшную войну. Войне скоро конец, ожидай меня. Приду домой, заживём по-новому. Теперь власть будет в наших руках. Поздравляю с революцией всех трудящихся тюкалинцев».

Небольшое письмо быстро обошло соседей и с окраины города, где в своём ветхом домишке жила мать Григория, проникло в центр Тюкалинска.

Рабочий люд Тюкалинска, крестьянская беднота, батраки с жадностью ловили каждую весточку о революционных событиях в Петербурге, Москве и с величайшей любовью произносили имя того, кто нёс народу избавление от гнёта и эксплоатации, — имя Владимира Ильича Ленина. На этот раз всем было ясно, что речь идёт уже не о слухах и разговорах, а о фактах, о действительной победе над самодержавием. «Свергнут царь» — эти два слова были на устах у всех тюкалинцев.

Исправник Стадлер и начальник гарнизона Крутик-Гор-Тубанский не на шутку были встревожены этим письмом и отдали распоряжение немедленно арестовать старушку, «как нарушительницу общественного спокойствия», а по городу бы-

ли расклеены листовки, в которых местные власти призывали население не верить «противоправительственным слухам о свержении с престола великого самодержца всея Руси Николая II». «Подобные слухи являются ничем иным, как пропагандой тёмных элементов, политиканов, желающих осквернить и подорвать устои помазанника божия, внести смуту в ряды нашей доблестной армии, сражающейся за непоколебимость Российской Империи», — говорилось в этих листовках.

В заключение Стадлер и Крутик-Гор-Тубанский угрожали тюкалинцам: «замеченные в подобной клевете будут подвергнуты наказанию по всей строгости законов военного времени, как виновные в подрыве основ государства».

Во все волости уезда хотели немедленно разослать гонцов-полицейских для распространения листовок в сёлах. Но этим листовкам не суждено было попасть в руки крестьян. Утром 23 марта в Тюкалинск прибыл из Омска военный комиссар, собрал около здания Городской Управы солдат гарнизона и объявил, что царь свергнут и настало время передать управление государством в руки народа. На этом же собрании был решён вопрос об организации гарнизонного комитета, который должен создать в Тюкалинске новую революционную власть.

Ещё не закончилось наше собрание, как уже были готовы красные флаги с наскоро написанными на них лозунгами: «Да здравствует революция!», «Долой царских наёмников!», «Долой полицию и жандармерию!», «Да здравствует народное правительство!».

652660

К демонстрации солдат присоединилось трудовое население и колонна народа с пением революционных песен: «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Смело, товарищи, в ногу» двинулась по городу.

Трудящиеся Тюкалинска ликовали, зато «отцы города» приуныли. Под видом поддержания порядка к демонстрации примкнули было несколько полицейских, но демонстранты изгнали их из своих рядов.

Больших трудов стоило солдатам не допустить самосуда над исправником Стадлером и его помощником Аристовым. В доме исправника были выбиты окна, сорваны ворота. Оказавшийся в толпе чиновник полиции Пилецкий под крики «шкурник», «предатель» был отведён в карцер гарнизона.

По окончании демонстрации под ярким впечатлением пережитого мы избрали гарнизонный комитет.

Почти все члены комитета были рядовыми солдатами: председателем мы единодушно избрали солдата Арбузова.

В 9 часов вечера гарнизонный комитет принял первое решение: заключить под стражу местное уездное и городское начальство; уездный исправник, его помощник, уездные воинские и крестьянские начальники, комендант тюрьмы были арестованы и водворены в тюрьму.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

А в это время «отцы города» тайно заседали в Городской Думе.

В самый разгар заседания Дума была разогнана, а наиболее ярые монархисты арестованы.

Утром 24 марта гарнизонный комитет обсудил вопрос об организации уездной и городской власти. Начальником гарнизона (он же воинский начальник) был избран рабочий А. С. Иванов, впоследствии расстрелянный колчаковцами, а начальником местной команды, которая насчитывала 465 человек, — рядовой Белокрылов. Ненавистная народу полиция была распущена, и порядок в городе поддерживала местная команда солдат. Начальником почты, за отсутствием специалиста, остался эсер Зар, но для надзора и политического руководства на телеграф был послан солдат Зарецкий.

Кроме того, в городе была создана уездная продовольственная управа (возглавлял её бывший фронтовик Новиков, уволенный со службы по ранению). Управа взяла на учёт все хлебные запасы в Тюкалинске (в городе в то время обострился продовольственный кризис, особенно остро ощущался недостаток хлеба) и должна была заняться распределением их среди нуждающихся.

Было обновлено также и городское самоуправление. Но это «обновление» мало принесло перемен. В городской управе попрежнему большинство составляли, как тогда говорили, «зажиточные элементы». Так, членами управы были избраны владелец кожевенного завода Поршин, б. податной инспектор Худзинский и другие.

Все революционные мероприятия в городе и уезде осуществлял гарнизонный комитет.

25 марта гарнизонный комитет командировал в сёла 15 своих уполномоченных, которые оповестили крестьянство о свержении царя и создании новой власти на местах. Они же сместили в волостях старшин и сельских старост, организовали сельские земельные комитеты. Эти комитеты должны были учесть земли и запасы хлеба у церковников и местных кулаков, изъять их и затем распределить среди безземельных и малоземельных крестьян.

Но кулаки оказали яростное сопротивление земельным комитетам. Особенно противодействовали кулаки деревни Черновой, расположенной в 120 километрах от уездного центра. Там была создана даже группа заговорщиков, которая намеревалась убить уполномоченного комитета, а весь хлеб припрятала. В эту деревню пришлось послать вооружённый отряд. Хлеб был найден, а зачинщики заговора арестованы.

В других деревнях кулачество действовало обходными путями. Так, например, в деревне Буслах кулаки подкупили некоторых своих односельчан-бедняков (дав им по 10—15 пудов хлеба) и натравили их против уполномоченных.

Были случаи, когда беднота, не ожидая распределения хлеба земельными комитетами, забирала у кулаков их хлебные запасы и распределяла между собой.

Это происходило обычно в деревнях, где бедняки и батраки были особенно угнетены местным кулачеством и голодали (в частности, в деревнях Ново-Карасук, Чагино, Островное и других).

Давление на кулаков обеспокоило также городское купечество и его агентов — эсеров. В начале апреля 1917 г. в Тюкалинске появились листовки, призывающие «зажиточных земледельцев» не сдавать хлеб сельским комитетам, оказывать сопротивление бедноте, батракам и отрядам, посланным гарнизонным комитетом в деревню, вплоть до ареста их. Не было сомнения, что эти листовки являлись делом рук царских чиновников, купцов-мироедов и эсеров. Чтобы пресечь враждебную агитацию, гарнизонный комитет арестовал наиболее крупных и агрессивно настроенных хлеботорговцев и землевладельцев.

5 апреля 1917 г. эсеро-меньшевистские заправилы, пролезшие в Омский Совдеп, потребовали всех арестованных тюкалинским гарнизонным комитетом, в том числе полковника Крутик-Гор-Тубанского, исправника Стадлера, его помощника Аристова, чиновника полиции Пилецкого, начальника тюрьмы Беляева и других отправить в Омск. Через 3—4 дня часть этих людей вновь появилась в Тюкалинске со справками о том, что они освобождены от ареста «за недостаточностью обвинений и как неопасные делу революции».

Главные же тюкалинские зубры — Крутик-Гор-Тубанский, Стадлер и его помощник Аристов преспокойно разгуливали в Омске.

Для членов гарнизонного комитета стало ясно, что в Омске пролезли к власти люди, не заинтересованные в уничтожении старого чиновничьего аппарата и изоляции классовых врагов народа.

Ободрённое таким явным потворством бывшим царским чиновникам, «воспрянуло духом» тюкалинское купечество и его прихлебатели; они начали наступление на гарнизонный комитет, объединявший вокруг себя всех революционно настроенных жителей города — рабочих местных предприятий, мастеровых, мелких служащих.

В конце апреля в Тюкалинске была создана группа эсеров.

Первыми в эту эсеровскую группу вступили самые «именитые» в городе купцы (Силин, Ивлев, Блендовский и другие), владельцы местных предприятий (паровой мельницы, кирпичного и кожевенного заводов и другие), коннозаводчики — Ерёмин, Палеев, Прошин, небезызвестный помощник исправника Аристов, милостиво освобождённый в Омске из-под аре-

ста, бывший крестьянский начальник Брейтовский и ещё человек 10—15 домовладельцев, лавочников.

Так возникла в Тюкалинске эсеровская организация, не замедлившая послать в сёла своих представителей для создания эсеровских ячеек на местах.

В это же время из Омска приехали особые уполномоченные для того, чтобы «обновить органы управления власти на местах». Возглавлял их некий Колокольников.

Перевыбирались в первую очередь председатели волостных земельных комитетов, управ. При этом сразу же обнаружился замысел эсеров. В новые комитеты выдвигались кандидатуры только «зажиточных землевладельцев» — кулаков и торговцев.

Таким же образом был «обновлён» состав и уездной земской управы и Городской Думы. В ознаменование нового состава Думы здесь же, в здании городской управы, был отслужен «благодарственный молебен» и провозглашена здравица «Многие лета Временному правительству». А ещё через день — два в городе появились листовки с призывами: «Война до победного конца!», «Смерть врагам революции — большевикам!», «Не верьте Ленину — он ведёт страну к гибели!»

Чёрная тень двуглавого орла снова легла над городом и деревней. Опорой всей этой реакции являлись эсеры.

Гарнизонный комитет объединил вокруг себя революционно настроенное население и всеми мерами оказывал противодействие контрреволюционной политике эсеров, выпускал листовки, разоблачающие предательство эсеров, развернул агитационную работу среди солдат гарнизона, рабочих местных предприятий, крестьянства. Трудящиеся в большинстве случаев активно откликались на революционную пропаганду.

В деревне Ингалы, например, в ответ на предложение эсеров о выдвижении на должность председателя волостного комитета местного торговца, возмущённые бедняки и батраки избили эсеровского кандидата.

Особенно возмущены были соглашательством эсеров возвращавшиеся с фронта солдаты. В деревне Бекишево фронтовики хотели устроить самосуд над агитатором эсером Киановским. Только благодаря защите попа, укрывшего его в своей квартире, Киановский остался жив.

Солдаты, прибывшие домой в отпуск (чаще всего по ранению), отказывались ехать обратно на фронт, оказывали при этом даже вооружённое сопротивление.

В селе Кобырдакском революционно настроенная беднота во главе с возвратившимся из тюрьмы матросом Вьюшковым, требовала смены власти, прежде всего своей волостной, а затем и уездной, и замены её новой, представляющей бедноту. За это Вьюшков дорого поплатился.

Но силы гарнизонного комитета были ещё недостаточны для того, чтобы преодолеть реакцию. Искушённые в политических интригах эсеры ловко прикрывали свою двурушническую деятельность громкими революционными фразами, обманывали народ, предавали его и всячески стремились скрыть от трудящихся правду о революции.

В начале августа в Тюкалинск прибыл в отпуск по ранению солдат Бушуев. Он рассказал нам, что в Петрограде сейчас идёт борьба за Советы, что большевики во главе с Владимиром Ильичом Лениным призывают народ к свержению Временного правительства, разоблачают гнусное предательство эсеро-меньшевиков.

— Скоро по всей России установится подлинно народная, наша Советская власть. Нет большего друга у простого народа, чем Владимир Ильич. Об этом говорят рабочие всех питерских заводов, об этом говорят солдаты, — говорил Бушуев.

Рассказ Бушуева произвёл на всех нас огромное впечатление и укрепил готовность бороться с проклятой буржуазией и её прихвостнями — эсерами и меньшевиками до конца. Мы сами чувствовали, что такое неопределённое положение долго продолжаться не может, что революция как бы «застряла» на полпути и нужно её довести до конца. Однако мы не знали, что же делать нам дальше, как продолжать борьбу. Связь с губернским центром у нас не была налажена и мы даже не знали, как обстояли дела в то время в Омске. Сообщение Бушуева о событиях в Петрограде открыло нам глаза. Теперь для нас стало ясным, что, не теряя времени, нужно начать готовиться к вооружённой борьбе за власть Советов в нашем уезде.

Ненависть городской и сельской бедноты к купеческо-эсеровским «правителям» Тюкалинска, к существующему строю крепла с каждым днём.

На собраниях, сходах бедняки открыто выступали против кулаков, требовали перераспределения земли. В некоторых деревнях беднейшее крестьянство и батраки, под руководством вернувшихся с фронта солдат, поднимались на вооружённую борьбу со своими исконными врагами-эксплоататорами, отбирали землю у мироедов.

Уговоры эсеровских агитаторов уже не помогали. Трудовое крестьянство перестало верить сказкам эсеров о «добром» правительстве — Учредительном собрании, которое в скором времени разрешит земельный вопрос.

Эсеровские заправилы в Тюкалинске получали от своих представителей с мест тревожные вести. Так называемые районные эсеровские организаторы доносили своему уездному центру, что не только беднота, но и многие середняки выступают против эсеров, что крестьянские массы идут за

прибывающими с фронта солдатами, во главе которых стал фронтовик Мурзин.

Организатор эсеров Сараханов на одном из эсеровских собраний, устроенном в здании бывшего клуба приказчиков, говорил об «угрозе большевизма», о том, что за последнее время корни большевизма всё глубже проникают в Тюкалинск и необходимы самые решительные и срочные меры, чтобы пресечь большевистское влияние.

На этом же собрании местный лидер эсеров Миткевич-Далецкий потребовал расформировать Тюкалинский гарнизон и всех неблагонадёжных солдат направить в действующую армию.

В тот же день группа солдат была откомандирована в запасные батальоны, в том числе председатель гарнизонного комитета Арбузов.

Проходил ноябрь 1917 г. В городе и уезде попрежнему заправляли эсеры Калябин, Далецкий, Брейтовский и другие.

В церквах всё ещё, надрываясь, пели «Многая лета нашему богом поставленному правительству», однако настроение «отцов города» было тревожное. Буря народного гнева нарастала.

Купечество, как тогда у нас говорили, начало «сматывать удочки». Первым переправил свою ценную пушнину на Восток, и оттуда, очевидно, в Китай и Японию купец Силин. К Силину присоединились его друзья: Палеев, Мирошниченко, Блендовский и другие тюкалинские воротилы. Вереница обозов, гружённых различными товарами, потянулась на Омск и Татарск...

Городская Дума заседала ежедневно и все вопросы решались «при закрытых дверях». Думские деятели ходили мрачные, и на просьбы о хлебе отвечали: «Не до хлеба». А между тем голод изо дня в день усиливался.

Солдаты, прибывавшие с фронта целыми группами, открыто говорили: «Будет, повоевали. Теперь пора браться за калёную метлу и с корнем выметать всех предателей народа».

О великих событиях, происшедших 25 октября 1917 г. в Петрограде, жители Тюкалинска узнали почти через месяц.

Поздно вечером 5 декабря 1917 г. ко мне пришёл вернувшийся с фронта солдат А. П. Щекачёв и рассказал, что рабочие Петрограда, руководимые большевиками, товарищем Лениным, свергли буржуазное правительство Керенского, сам же Керенский бежал, и теперь вся власть там принадлежит Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Щекачёв показал также мандат, выданный ему Царскосельским Советом солдатских и рабочих депутатов.

— Нужно и нам, друзья, навести большевистский порядок в нашем уезде, взять власть в свои руки, а всех этих эсеровских прихлебателей Временного правительства арестовать, — сказал Щекачёв. — Со мной прибыл большевик-фронтовик Павел Усольцев, являющийся членом Киевского Совета солдатских и рабочих депутатов: он поможет нам в борьбе с врагами революции.

В ту же ночь мы связались с оставшимися в Тюкалинске членами гарнизонного комитета и приехавшими в город фронтовиками-отпускниками. К нам примкнули братья Войновы (Фёдор и Захар), Людвиг Марацевич, Кошелев, братья Роговы (Александр и Василий), Феодосий Богданов и другие.

На рассвете (в 3 часа утра) 16 декабря 1917 г. собрались все фронтовики и поддерживающие их солдаты местного гарнизона. Решение нашей группы было короткое: «существующую власть сменить, глушителей социалистической революции арестовать и, воспользовавшись собиравшимся в этот день уездным съездом представителей для выборов уездного земства, создать Советскую власть».

Здесь же на совещании была создана тюкалинская большевистская организация. Инициатором создания её явился фронтовик-коммунист Павел Усольцев. Он показал нам свой партийный билет (выданный киевской партийной организацией) и сказал, что мы должны создать в Тюкалинске большевистскую организацию, членами её могут быть только преданные делу революции люди. Правда, из всех присутствующих членом партии оказался только один Усольцев, но мы единодушно поддержали его предложение и постановили с этого вечера также считать себя большевиками.

Руководителем организации был избран Усольцев. Вместо партийных билетов нам выдали удостоверения (за подписью Усольцева).

По предложению Усольцева наша вновь созданная организация решила участвовать в предстоящем уездном земском съезде, как самостоятельная большевистская фракция.

Работа съезда ещё не началась, когда мы в полном составе явились в клуб приказчиков, где собирались делегаты.

Когда мы предъявили мандаты: Усольцев — от Киевского Совдепа, Щекачёв — от Царскосельского, я — от Тюкалинского гарнизона, — заправилы земства — эсеры неохотно позволили нам присутствовать на съезде (нам троим — с решающим голосом, а остальным — с совещательным).

На съезд прибыли делегаты от 29 волостей. Большинство делегатов было из середняцкой части крестьянства; кроме того, в работе съезда участвовали солдаты, прибывшие с фронта.

Съезд открыл эсер Сараханов, произнеся длинную и напыщенную приветственную речь и провозгласив здравицу за Временное правительство.

Перед обсуждением вопроса о выборе уездных органов власти, тов. Щекачёву удалось получить разрешение высказаться. Момент был ценный, и его решено было использовать.

Могу почти дословно привести его выступление, настолько оно нам запечатлелось.

— Товарищи делегаты съезда, — сказал Щекачёв, — вы являетесь здесь представителями обманутого народа нашего уезда! Представители уездной власти подло скрыли от вас, что в центральной России свергнуто Временное буржуазное правительство, которое не меньше, чем царское, угнетало и порабощало рабочий класс и крестьянство! Разве вы не знаете, что теперь существует Советская власть, наша народная власть, диктатура пролетариата, за завоевание которой рабочие и крестьяне пролили реки крови. Не поддавайтесь на удочку вот этих ставленников буржуазии! — и Щекачёв указал в сторону руководителей съезда.

Затем без разрешения выступил тов. Усольцев. Он призвал делегатов съезда подняться на борьбу за власть Советов.

— Настал час расплаты с буржуазией и её пособниками. Не упускайте этого часа! Мы должны избрать новую власть из представителей угнетаемого веками пролетариата! — говорил Усольцев.

Так же, как и предыдущий оратор, не прося разрешения, выступил и я.

С мест раздавались возгласы делегатов: «Долой обман!»; «Под арест угнетателей!», «Настал час расплаты с врагами народа!»

Было ясно, что наши выступления возымели своё действие, и мы покинули земцев. Вслед за нами вышло большинство делегатов съезда. Вместе с этими делегатами мы направились в дом, где собиралась утром наша группа, и там продолжили заседание.

Вскоре к нам не замедлили явиться «в гости» эсеры. «Гостям» было сделано предупреждение, что они могут присутствовать, но без права не только решающего, но даже совещательного голоса.

Вокруг дома, где мы заседали, собралось почти всё население нашего городка. В толпе были и люди, жаждущие установления новой, Советской власти, и эсеры, втихомолку пускавшие провокационные слухи.

В начале заседания тов. Усольцев сделал доклад о происшедшей почти два месяца тому назад Октябрьской социалистической революции. Он разоблачал эсеров, предательски скрывавших от народа известия об этом великом событии.

С возмущением узнали сельские делегаты, как обманывали их эсеры. Послышались выкрики: «Вон отсюда гнусных предателей — Калябина и его компанию!», «Под арест их, царских лакеев!» Не смолкли ешё выкрики, а эсеровских «гостей» уже не стало.

После ухода эсеров мы вынесли решение: впредь до созыва полноправного съезда Советов выделить организационное бюро из 10 человек, во главе с коммунистом Усольцевым. В состав оргбюро вошли члены большевистской организации: Иванов, Кошелев, Богданов, Туманов, Марацевич и другие.

Оргбюро поручалось: сместить с ответственных постов эсеровских ставленников и заменить их людьми, преданными делу революции; провести на местах выборы волостных и сельских Советов крестьянских депутатов, а также выборы делегатов на уездный съезд Советов, созыв которого назначить на 25 января 1918 г.; для охраны революционного порядка сформировать из добровольцев отряд Красной Гвардии. Иными словами, оргбюро должно было руководить установлением Советской власти в уезде.

На следующий день оргбюро приступило к созданию Красной Гвардии (гарнизон был расформирован).

В городе были расклеены воззвания, призывающие в Красную Гвардию добровольцев. Первыми вступили в ряды Красной Гвардии члены большевистской организации братья Роговы, Богданов, Кунгуров, братья Цукаловы, Ерёмин и другие.

К вечеру того же дня в Красную Гвардию вступило более 100 человек. Много было добровольцев и из солдат расформированного гарнизона. За два дня наш красногвардейский отряд вырос до 200 бойцов.

17 декабря оргбюро вынесло постановление сместить с должностей: начальника тюрьмы Беляева, мирового судью Вознесенского, председателя уездной управы (он же председатель Городской Думы) Сараханова и других. Спустя несколько дней была утверждена следственная комиссия для рассмотрения дел заключённых в тюрьме, а также дел по расследованию преступлений представителей старой власти. Уже 22 декабря из тюрьмы было освобождено более 300 заключённых, осуждённых эсерами за «ослушание», «неподчинение» и другое. Особенно много было среди освобождённых так называемых «изменников революции», то есть людей, которые не подчинялись требованиям Временного правительства. Груду освободившихся кандалов передали кузнецу Малёву для перековки на различные полезные хозяйственные предметы.

Начальник почты эсер Зар, так же как и Сараханов, не хотел подчиниться распоряжению оргбюро о передаче почты

и телеграфа вновь назначенному комиссару тов. Марацевич. Эсер заявил, что-де Советская власть в Тюкалинске — это насилие отдельной кучки людей. Ретивого почтмейстера пришлось арестовать.

В конце декабря был национализирован ряд местных предприятий — паровые мельницы, кожевенный и кирпичный заводы, пимокатная мастерская. Контроль над этими предприятиями поручили экономическому отделу, созданному при оргбюро.

Предприниматели прибегали к различным уловкам для того, чтобы противодействовать национализации предприятий. Так, владелец паровой мельницы эсер Мирошниченко предъявил документ на продажу мельницы другому лицу за сумму в 20 000 рублей и заявил, что он, Мирошниченко, теперь к мельнице никакого отношения не имеет. Мирошниченко получил приказ передать деньги в оргбюро в течение 24 часов, и по истечении этого срока был заключён под стражу и передан в распоряжение следственной комиссии.

В начале января 1918 г. в Тюкалинск приехал инструктор-организатор, командированный к нам омскими большевиками. Это было значительное событие в жизни нашего уезда. Представитель омской большевистской организации помог нам организовать работу органов Советской власти на местах, разъяснил, как правильно проводить конфискацию и распределение земель, лесных угодий и т. д.

От инструктора-организатора мы узнали, что революционные центры России — Москва, Петроград — переживают острую нужду в хлебе, и ЦК партии, лично товарищ Ленин обратились к сибирякам с призывом снабдить рабочих столицы продовольствием; омская большевистская организация прилагает все усилия к тому, чтобы отправить в центральную Россию как можно больше хлеба, мяса и других продуктов, спасти героический революционный пролетариат Москвы и Петрограда от голода.

Тюкалинские большевики, а вместе с ними и все трудящиеся горячо откликнулись на этот призыв ЦК партии. Оргбюро приняло энергичные меры, чтобы успешнее провести заготовку хлеба (главным образом, путём изъятия излишков у кулачества) и конфискацию земель. Кроме кулацких угодий мы конфисковали церковные земли.

Следует отметить, что церкви в Тюкалинском уезде были наделены наиболее плодородными, так называемыми «хребтовыми» землями, поэтому изъятие их имело для сельской бедноты не меньшее значение, чем конфискация кулацких земель.

Все эти мероприятия получили широкую поддержку со стороны бедноты, обеспечили огромный подъём в деревне, укрепили доверие беднейшего крестьянства к Советской вла-

сти и помогли выдвинуть в Советы действительно преданных делу революции людей.

Вскоре было установлено, что агенты эсеровской организации успели уже побывать в ряде населённых пунктов уезда и провести там контрреволюционную подрывную работу. Они распространяли слухи, что большевики взяли власть в свои руки исключительно с целью самонаживы и отберут у крестьянства всё имущество.

Верили в такую гнусную пропаганду, конечно, только отдельные люди. Беднота в большинстве своём враждебно встречала эсеров.

Характерный случай произошёл в деревне Кутырлы. Местный торговец Горчаков был вытащен беднотой из своего дома и привезён в Совет.

— Вот наш кровопивец! — кричали возмущённые бедняки. Если вы не уберёте его — мы сами сумеем это сделать!» Имущество Горчакова было конфисковано, а сам он арестован. Так же поступили и с другими мироедами, закабалявшими бедноту.

В некоторых деревнях (Баженово, Черново, Б. Буслы) кулачество оказывало такое упорное сопротивление при конфискации излишков хлеба, что туда пришлось послать вооружённые отряды Красной Гвардии.

Кулаки зарывали хлеб в землю, перегоняли на самогон, скармливали свиньям и даже просто сжигали, лишь бы не достался большевикам. Однако бедняки разоблачали все эти вражеские махинации и помогали уполномоченным оргбюро проводить хлебозаготовки. Несмотря на все происки кулачества, хлеб в Тюкалинск начал поступать многочисленными обозами. Часть хлеба была распределена среди местного остро нуждающегося беднейшего населения, а наибольшая часть направлена в Омск.

К 21 января 1918 г. во всех селениях уезда были закончены выборы в Советы. Во время выборов эсеры снова пытались развернуть свою гнусную агитацию. Однако стремление эсеров помешать выборам или протащить своих людей в Советы не имело успеха. Беднота была на стороне большевиков и не поддалась обещаниям и вражеской пропаганде кулаков-мироедов и их прихвостней и зачастую изгоняла их со своих сходов. Так, на многолюдном выборном собрании в селе Атрачи один из прибывших фронтовиков взял кулака Снятkова за ворот и со словами: «Нет места среди нас прихлебателям буржуазии, уходи отсюда, пока голова на месте!» вывел его со схода.

На выборное собрание в деревне Буслы вместе с мужчинами пришли и женщины. Пробравшийся сюда кулак Коровин выступил и заявил:

— Какое же это собрание, когда к нам пришли бабы? Это не собрание, а просто-напросто вечёрка.

Задетые за живое женщины ринулись на Коровина.

— Не нам здесь нет места, — кричали они, — а тебе, кровопивец! Теперь наша, Советская власть! Уходи отсюда, пока твои рёбра целы!

Две бывшие батрачки Коровина вышвырнули на улицу своего «благодетеля» и крикнули вслед:

— Ну вот, здесь и голосуй за своих! Хватит, дармоедина, погнули мы спину на тебя!

В городе подготовка к выборам также проходила в обстановке напряжённой классовой борьбы. Эсеры развернули среди населения бешеную агитацию против большевиков. Они собирались небольшими группами в домах купцов Силина, Палеева, Овчинникова и здесь, в узком кругу, пытались предрешить, кого можно избрать на общем собрании граждан города делегатом на предстоящий уездный съезд Советов.

22 января 1918 г. состоялось общегородское собрание жителей Тюкалинска, посвящённое выдвижению кандидатов на уездный съезд Советов. К сожалению, при подготовке к этому съезду наша большевистская организация и оргбюро допустили серьёзную ошибку. Мы недооценили опасности эсеровской агитации, не сумели заранее привлечь на свою сторону большинство избирателей, в результате — на съезд попало много делегатов, враждебно настроенных в отношении большевиков.

Наряду с большевиками Богдановым, Усольцевым, Марацевич, Войновым, на уездный съезд были избраны эсеры Калябин, Кияновский, Далецкий и другие.

В тот же день состоялось общее собрание красногвардейцев, делегатами на уездный съезд Советов они послали большевиков Щекачёва, Туманова и Иванова.

24 января 1918 г. — канун 1-го уездного съезда Советов.

С утра в Тюкалинск начали прибывать многочисленные обозы с хлебом, сопровождаемые приехавшими на съезд делегатами.

На головных подводах красные полотнища с надписями: «Хлеб рабочим от трудового крестьянства!», «Ни фунта хлеба кулаку — хлеб трудящимся!», «Да здравствует Советская власть, власть трудящихся!», «В честь хозяина уезда — 1-го съезда Советов». Один за другим прибывшие делегаты рапортовали оргбюро о преданности трудового крестьянства власти Советов.

Большая часть делегатов привезла с собой и передала для съезда наказы своих избирателей. В наказе избирателей Черноозёрской волости говорилось:

«Требуем самой беспощадной меры наказания ко всем тем, кто веками угнетал нас — тружеников земли».

Такой же наказ доставил делегат из деревни Ново-Конкуль.

«Смерть кровопийцам-капиталистам! Да здравствует наша Советская власть!» — заканчивали наказ жители этого села.

Избиратели Кобырдакской волости в своём наказе провозглашали. «Долой министров-капиталистов, да здравствуют советские комиссары! Глубокая могила для паразитов-кулаков — свобода для беднейшего крестьянства!»

К 10 часам утра 25 января в Тюкалинске собрались делегаты от 27 волостей. Среди прибывших на съезд 155 делегатов было: 90 крестьян-бедняков, 25 середняков, 20 батраков и 20 — от сельской интеллигенции. Почти половина делегатов — бывшие фронтовики, освобождённые от службы по ранениям, болезни.

Съезд начал свою работу в 3 часа дня. Открыл его председатель оргбюро тов. Усольцев.

Повестка дня была следующая: о текущем моменте (докладывал Усольцев); выборы уездного Совдепа; выборы ревизионной комиссии; организация отделов Усовдепа и утверждение комиссаров отделов; о хлебе.

В своём выступлении тов. Усольцев говорил о напряжённой борьбе, которую вёл и ведёт сейчас героический пролетариат России за установление власти Советов, о роли большевистской партии, товарища Ленина в этой великой борьбе за счастье и свободу народа, о том, как важно, чтобы беднейшее крестьянство и середняки поддержали рабочих, шли рука об руку с ними.

— Сам Владимир Ильич Ленин сказал: наша сила в союзе рабочих с крестьянством, — говорил тов. Усольцев. — Сейчас настало время, когда рабочие и беднейшие крестьяне взяли власть в свои руки. Настал час расплаты с угнетателями народа.

Далее тов. Усольцев призвал делегатов съезда, а через них — всё беднейшее крестьянство и середняков сплотиться вокруг Советов, вести упорную борьбу с врагами, быть бдительными.

— Мы должны объединиться вокруг Советов и вести упорную, непримиримую борьбу с остатками капитализма. Будьте бдительны ко всем проделкам кулачества в деревне! Вся эта неуничтоженная ещё капиталистическая свора как утопающий хватается за соломинку и творит свои гнусные дела, чтобы всеми мерами и способами ослабить нашу родную Советскую власть, — говорил тов. Усольцев. — Решительно и безжалостно сметайте со своей дороги всех, кто преграждает нам путь к светлому будущему.

Тов. Усольцев закончил свой доклад здравицей за товарища Ленина, за Советскую власть, за крепкий союз рабочих с трудовым крестьянством.

Затем начались выступления делегатов съезда.

Первым взял слово делегат из деревни Приозёрное, Кобырдакской волости, тов. Голомедов. Он говорил о том, что сейчас как никогда рабочим и беднейшему крестьянству нужно выступить единым фронтом, чтобы одолеть лютого врага — кулака, что первейший долг трудового крестьянства — снабдить хлебом пролетариат Петрограда и Москвы, помочь ему в его великой борьбе.

Далее выступили члены фракции большевиков: Марацевич, Туманов, Щекачёв, Войнов, Кривоносов и другие. Все они говорили о необходимости тесного объединения вокруг Советов, всемерной помощи им в работе, о необходимости быть бдительными, разоблачать врагов Советской власти — кулаков и эсеров.

На съезде попытался выступить также эсер Калябин. Он начал было говорить о классовом мире в деревне, о тесном союзе «всего крестьянства», то есть бедняков и кулаков, но возмущённые делегаты прервали предателя. Из зала послышались возгласы: «Мир с буржуазией заключайте вы, а мы будем вести борьбу!», «Вы не революционеры, а предатели пролетариата!», «Это ваших рук дело — расстрелы рабочих демонстраций в Петрограде!» Калябин вынужден был оставить трибуну.

В заключение съезд принял резолюцию, предложенную фракцией большевиков. В резолюции было написано:

«Съезд считает, что в настоящее время вся власть, за которую отдали свою кровь и жизнь рабочие и крестьяне, находится в руках Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Остатки буржуазии в городе и кулачества в деревне и до сего времени не сложили оружия, оставаясь врагами трудового народа. Враги ищут всевозможные пути и способы, готовы в любую минуту подавить, уничтожить советский строй, поэтому съезд считает первой необходимостью в работе Советов теснее сплотить свои пролетарские ряды и вести беспощадную борьбу со всякими попытками агентов как внутренней, так и внешней буржуазии, старающихся повредить делу укрепления Советов, делу пролетарской диктатуры.

Подтвердить решение оргбюро большевиков Тюкалинского Совдепа о конфискации промышленных предприятий, имущества и других ценностей частных предпринимателей, как в городе, так и в деревне, а также о конфискации церковных земель и земель нетрудового пользования и распределении их среди трудового беднейшего крестьянства.

Съезд заверяет Омский Совет, что трудовой народ Тюкалинского уезда, руководимый партией большевиков, не щадя своей жизни, будет поддерживать установившуюся на местах власть рабочих и крестьян».

Далее съезд избрал Уездный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в составе 20 человек; из них 10 депутатов — от фракции большевиков.

В момент выборов Усовдепа было установлено, что два кандидата выдвинуты из элементов, явно враждебных Советской власти, и их пришлось заменить. Но замена оказалась неудачной. Вместо отведённых, пролезшие на съезд эсеровские приспешники протащили эсеров Киановского и Калябина. Фракция большевиков согласилась оставить в списке для голосования этих двурушников, рассчитывая, что в процессе работы Совдепа удастся разоблачить их предательскую политику. Однако последующий ход событий показал, что это была явная ошибка. Калябин и его приспешники нанесли большой вред работе Совета.

Председателем Исполкома нашего первого уездного Совета был избран коммунист Усольцев. Большинство членов Исполкома были также большевиками. Им поручили руководить отделами Исполкома.

К сожалению, в числе заведующих отделами Исполкома оказались и эсеры — Киановский, пролезший к руководству Усовнархозом, и Калябин — зав. уездным отделом здравоохранения.

Начальником штаба Красной Гвардии был избран коммунист Щекачёв.

Большое внимание уделил съезд вопросу о хлебе.

Делегаты съезда единодушно указывали, что нужно немедленно приступить к изъятию хлебных запасов у кулаков и применять самые суровые меры к тем из них, которые будут оказывать сопротивление хлебозаготовкам.

— Кулаков-саботажников надо лишать свободы, как врагов революции, арестовывать и направлять в следственную комиссию, — требовали делегаты. — Мы должны приложить все силы, чтобы выкачать хлеб из кулацких хозяйств и накормить голодающих рабочих России.

Так было и записано в резолюции съезда.

Незадолго до открытия Тюкалинского уездного съезда Советов в Омске состоялся 3-й Западно-Сибирский съезд Советов крестьянских депутатов, на котором было принято решение об установлении Советской власти во всех сельских районах Западной Сибири. Это был, по существу, съезд, завершивший собою борьбу большевиков Сибири за Советы в деревне.

Поэтому на одном из последних заседаний нашего съезда депутатам Совета было поручено познакомить широкие мас-

сы беднейшего и среднего крестьянства с решениями 3-го Западно-Сибирского съезда Советов крестьянских депутатов от 18 января 1918 г.

27 января съезд закончил свою работу, и делегаты с полной надеждой на светлое будущее разъехались по своим деревням.

Молодому, только избранному уездному Совету пришлось работать в очень трудных условиях, в обстановке ожесточённой классовой борьбы.

Каждое мероприятие Советской власти — будь то национализация земли или предприятий, хлебные заготовки — кулаки, торговцы и их приспешники — эсеры встречали в штыки и всякими способами старались сорвать. Кулаки гноили хлеб в земле, перегоняли на самогон, пытались подкупать бедняков, «раздавали» скот, хлеб, чтобы укрыть своё добро от конфискаций.

Вот один из многих случаев, свидетелем которого был я сам. Кулак и крупный торговец из деревни Федькиной, Кобырдакской волости, Кучковский собрал к себе в дом группу бедноты (бывших своих батраков) и объявил:

— У меня имеется небольшой излишек хлеба, и я знаю, что этот хлеб всё равно отберёт у меня Советская власть. Но мне жаль вас, бедняков, и вот решил помочь вам. Вы можете пойти к моим амбарам, что стоят за деревней, и я там насыплю вам зерна, кому сколько потребуется. Отдадите мне, если у вас когда-нибудь будет хлеб, или отработаете.

После такой «соловьиной» речи Кучковского один из его бывших батраков сказал:

— Спасибо, Корней Иванович! Покормили вы нас — и довольно... Мы надеемся, что нам поможет Советская власть. Хлеб ваш всё равно будет нашим, его возьмёт наша родная власть, а у своей власти мы воровать не согласны. Мы придём сегодня ночью к твоим амбарам, но только не за хлебом, а караулить его, чтобы ты и тебе подобные не разворовали зерно.

Не говоря больше ни слова, батраки покинули своего бывшего «благодетеля» и сообщили об этом мне, как представителю Усовдепа.

Как затем было установлено, Кучковский такую политику проводил по указке агента эсеровской партии Воробьёва, близкого своего друга, проживавшего в ближней от Федькиной деревне Баировой. Имущество и хлеб у Кучковского были конфискованы, а сам он арестован и передан в распоряжение следственной комиссии.

В соседнем селе Карасук, той же волости, кулаки по указке эсеровских агентов прибегнули к такому манёвру. Самый свирепый деревенский мироед Архиреев собрал у себя группу бедняков, перепоил самогоном, а затем предложил зажечь

его хлебные скирды, обещая за эту «работу» вознаграждение. Уловка Архиреева не удалась, и его постигла участь Кучковского.

Уполномоченные уездного Совдепа и работники местных сельских Советов мобилизовали все силы, чтобы сломить бешеное сопротивление врага, заставить его сдать хлеб государству. Ведь все мы знали, что борьба за хлеб в то время являлась борьбой за Советскую власть.

В тех волостях, где местные Советы сумели привлечь к повседневной работе актив из бедноты, хлебозаготовки, как правило, проходили успешно.

В деревне Чащино, Калмаковской волости, беднота, сплочённая вокруг своего Совета, отказалась взять себе часть хлеба, изъятого у кулака Меркурия Чащина, заявив: «Мы хотим, чтобы весь этот хлеб был доставлен голодающим рабочим России, которые отдают все свои силы на борьбу с врагами революции».

Такой же случай произошёл в деревне Чапино, Ново-Карасукской волости. Когда у одного из кулаков был изъят хлеб, то бедняки, среди которых были мужчины и женщины, сказали: «Везите хлеб армии и рабочим, мы для себя в деревне найдём чем прокормиться!»

Так беднота отвечала на призыв большевистской партии укрепить продовольственный фонд республики.

В сёлах уезда было тогда широко известно воззвание Омского областного Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов об укреплении фронта и тыла республики.

«Вы свергли самодержавие царя Николая, — говорилось в воззвании, — задушили российскую контрреволюцию (Каледина, Керенского и прочих), покажите и бандам Вильгельма и международной буржуазии всю силу и мощь трудового народа. Все, как один, на защиту, на помощь вашим товарищам, гордо сражающимся с контрреволюционерами. Не дайте им умереть с голоду! Везите хлеб! Вливайтесь в Красную социалистическую Армию. Давайте подкрепления нашим братьям.

Настал час — победить или умереть.

Дайте хлеба, хлеба, хлеба!» (Омский Облгосархив, ф. 284, д. 1, л. 122).

Это воззвание вызвало горячий отклик среди беднейшего крестьянства и батрачества. И несмотря на все трудности, на бешеное сопротивление врагов революции и их различные уловки, мы изымали хлеб у кулаков.

Активное участие в хлебозаготовках принимали женщины-беднячки, — они раскрывали гнусные затеи кулаков, указывали уполномоченным Совета места, где мироеды прятали хлеб. Многочисленные хлебные обозы вереницей пошли непосредственно в Омск.

Большую помощь оказывали нам в проведении хлебозаготовок, так же как и в налаживании всей советской работы на селе, командированные в Тюкалинск представители омской большевистской организации.

Эсеры, видя, что авторитет Советской власти в деревне крепнет, пытались всеми способами подорвать доверие бедняков и середняков к Советам, к большевистской партии, они распространяли по сёлам различные провокационные слухи, запугивали крестьянство «коммунией», старались повсюду продвинуть своих агентов.

Эсеры Киановский и Калябин, пользуясь правами членов Усовдепа, сформировали аппараты своих отделов из лиц, заведомо враждебно настроенных против Советской власти. Киановский, например, пополнил аппарат Усовнархоза такими сотрудниками, как бывший земский начальник, бывший полицейский чиновник, бывшие коннозаводчики и другие. Все эти «сотрудники» вели подрывную работу в городе и сёлах, вредили Советской власти чем только могли. Сам Киановский, например, прибегал к таким методам вредительства. Однажды, явившись в Уисполком, он попросил разрешения съездить в Саргатскую волость к семье и кстати там принять на учёт национализированное крупное хозяйство. Хозяйство это имело винный завод и обширные лесные дачи. Перед тем, как принять на учёт национализированное имущество, Киановский заехал в деревни Увальную, Битию и другие, расположенные по соседству с винным заводом, собрал там крестьян и объявил им, что завод конфискован и перешёл в распоряжение Совдепа. Но так как Советская власть не намерена далее спаивать народ водкой, как это было при царизме, то предприятие будет разрушено. Чтобы заведённая на заводе брага не пропадала зря, «добрый» Киановский предложил крестьянам использовать её как корм для свиней.

— Приезжайте завтра на завод с бочками и кадками и брага по моему распоряжению вам будет выдана в любом количестве, — гостеприимно приглашал он.

После такого приглашения, на следующий день к заводской усадьбе съехались сотни крестьян с кадками, бачками, вёдрами. Не замедлил явиться и «благодетель» Киановский. Он, прежде всего, выдал прибывшим по доброй чарке спирта, а затем, собрав вокруг себя пьяных крестьян, объявил, что они сейчас же могут вырубить весь лес и разобрать по домам всё имущество из усадьбы.

Однако вредительские действия Киановского были пресечены членами сельсовета, и оборудование завода спасено от расхищения.

Или вот другой факт. Бывший заведующий продовольственной управой эсер Миткевич-Далецкий и его друзья, также из «бывших людей», втащили в помещение продуправы (на

второй этаж) 4 бочонка с керосином, разлили этот керосин по полу, зажгли его и затем, закрыв дверь на замок, скрылись. Пламя быстро охватило здание управы; пожарной команде с трудом удалось спасти каменную кладовую, в которой хранились патроны отряда Красной Гвардии и несколько пудов пороха. Воспламенение всех этих взрывчатых веществ было тем более опасным, что на расстоянии трёх-четырёх метров от этой кладовой находилось деревянное здание почты и телеграфа.

Как затем удалось выяснить следственной комиссии, этот вредительский акт был совершён с таким расчётом, чтобы поджечь почту и лишить таким образом центр уезда единственного средства связи.

Городская пожарная команда и пришедшие к ней на помощь жители с трудом погасили пожар и спасли пороховой склад, здание почты и телеграфа. Склады с хлебом также были спасены, но в нижнем этаже продуправы сгорели промышленные товары, доставленные из Омска для обмена на хлеб.

В ту же ночь Тюкалинский Уисполком арестовал и передал в распоряжение следственной комиссии ряд сотрудников продуправы. Далецкий же, свершив своё гнусное дело, скрылся из города.

Оставшиеся в Тюкалинске эсеры — Киановский, Калябин, Захаров, Снятков — использовали пожар для антисоветской агитации.

И надо сказать, что контрреволюционная агитация эсеров после поджога продуправы кое-где возымела действие: поступление хлеба в значительной степени сократилось (эсеры распространяли слухи, что большевики, де, похитили хлеб и все товары, а здание нарочно подожгли, чтобы скрыть своё воровство). Это обстоятельство заставило Уисполком послать в уезд группу товарищей с разъяснением истинной причины пожара.

В тесном союзе с местной буржуазией и её агентами — эсерами действовали церковники.

Поп Савва Парфёнов, свивший себе гнездо в селе Кутырлы, собирал в своей квартире крестьян и произносил контрреволюционные проповеди.

— Раз сия власть (т. е. Советская власть. — С. Т.) не богом дана, то она, не может быть для души человеческой полезной, — поучал Савва и призывал создать «с помощью благословения божия» такую власть, которой не управляли бы комиссары.

Такие же «богослужения» проводил Савва в деревнях Чардынцево, Черныши и других.

Эсерами был поднят на ноги и тюкалинский проповедник — поп Николай Задорин. Он начал свою «работу» с того, что стал ходить по квартирам, созывал людей на богослу-

жение и попутно «разъяснял», что скоро придёт конец бесовской совдеповщине и её комиссарам.

Богослужения проводились не в церкви, а на квартирах купцов Шибаева, Ерёмина, Палеева и других.

Побывавшая на одном из таких «богослужений» в доме Шибаева Мария Цукалова, два сына которой служили добровольцами в Красной Гвардии, придя в Совет, рассказала.

— На молитву собралось человек 50. В числе других там были бывший городской голова Степанов, бывший председатель Городской Думы Китаев, бывший член Думы — крупный виноторговец Фирсов и содержатель пивной Морозов (все члены группы эсеров). Поп Задорин после богослужения произнёс проповедь, в которой проклинал большевистских комиссаров и призывал свергнуть Советы.

Исполком Усовдепа вынес решение об аресте этого ретивого служителя церкви. Но вскоре на смену Задорину в Тюкалинске появился поп Киселевич; он также ходил по квартирам, распространяя различные контрреволюционные слухи среди населения, запугивал тюкалинцев «карой божией». Подобные же «богослужения» проводил в сёлах Кобырдакской волости поп Беляев. В деревне Кумыре он нашёл себе приют для «богослужения» в доме торговца-кулака Комлева.

Контрреволюционную агитацию вели также различные сектантские группы.

Чтобы пресечь всю эту вражескую пропаганду, подавить контрреволюционные выступления кулачества и эсеров, требовался ряд решительных мер, вплоть до вооружённой борьбы.

В одном из решений уездного исполкома отмечалось, что местные советские органы были излишне снисходительны к врагам пролетарской диктатуры и что в «настоящий момент, когда контрреволюционная свора наглеет с каждым днём, вдохновляемая интервентами, Тюкалинский Усовдеп не находит других способов борьбы с контрреволюционерами всех мастей, кроме беспощадного их уничтожения на месте преступления. Исполком находит нужным ещё раз предупредить, — говорилось далее в постановлении, — что все контрреволюционные агитаторы, укрыватели хлеба, оружия и агенты иностранных разведок будут беспощадно расстреливаться воружёнными отрядами Совета».

Для разоблачения контрреволюционной пропаганды эсеровских агентов и кулаков, их предательской, вредительской деятельности и разъяснения истинных целей большевистской партии и Советской власти, почти во всех сёлах проводились собрания крестьян. На этих собраниях бедняки и середняки нередко сами разоблачали врагов революции, требовали суровой кары для них. В некоторые селения приходилось по-

сылать небольшие отряды Красной Гвардии для ареста наиболее опасных врагов Советской власти. Так, например, были арестованы и доставлены в Тюкалинск кулаки деревень Черновой, Островной, Усть-Логатской и других.

Такие решительные меры принудили эсеров и кулачество несколько утихомириться. Открытые диверсии на время прекратились, но тайно велась вредительская работа, направленная к ослаблению Советской власти.

В конце апреля 1918 г. Исполком Совдепа и местная большевистская организация вынесли решение о праздновании 1-го Мая. Во все волости уезда были посланы уполномоченные по подготовке к празднованию, кроме того мы выпустили воззвание «О значении 1-го Мая как смотра революционных сил и единства рабочего класса и трудового крестьянства в борьбе за социалистическую революцию». В самом Тюкалинске первомайский праздник решили отметить большой демонстрацией.

По плану все коллективы городских организаций должны были собираться к дому Усовдепа, а отсюда идти на митинг к зданию Усовнархоза.

Киановский внёс предложение, чтобы служащие Усовнархоза встретили демонстрантов у себя на месте, то есть на площади возле усовнархозовского здания. Предложение было принято, так как никто не заподозрил в этом подвоха.

К 10 часам утра улица около здания Уисполкома была буквально заполнена. Демонстранты шли с красными знамёнами и лозунгами: «Да здравствует власть Советов!», «Да здравствует диктатура пролетариата!», «Да здравствует всемирная социалистическая революция!», «Смерть капиталистам и предателям дела рабочего класса!», «Вон с русской земли иностранных интервентов!», «Да здравствует тесный союз рабочего класса с беднейшим крестьянством!», «Сибиряки готовы дать хлеб рабочим и Армии!», «Долой с революционной дороги контрреволюционеров-эсеров и их прихлебателей!»

Трудящиеся Тюкалинска — мужчины, женщины, некоторые из них с маленькими детьми, старики, молодёжь — впервые в своей жизни открыто собрались вместе, чтобы разделить всеобщую радость, отметить день всемирного пролетарского праздника.

Стройными рядами стояли отряды Красной Гвардии с красными знамёнами — символом крови, пролитой пролетариатом в революционной борьбе. Блестели на солнце штыки, готовые в любой момент дать отпор врагам Советской власти.

Здания советских учреждений и значительная часть жилых домов были украшены красными полотнищами и лозунгами.

В 11 часов дня демонстранты с революционной песней «Смело, товарищи, в ногу...» направились к Усовнархозу.

Служащие Усовнархоза со своими знамёнами, как бы встретив демонстрантов, влились в общие ряды. Однако вскоре выявился подлый замысел эсеров. Киановский с группой своих приспешников вышел на крыльцо и вынес с собой знамя, на котором было написано: «Единственное спасение страны — Учредительное собрание!»

В первый момент не все заметили этот лозунг, так как внимание собравшихся приковано было к выступлению открывшего митинг председателя Исполкома Усовдепа тов. Усольцева. Подробно объяснив значение праздника 1-го Мая, тов. Усольцев призвал всех трудящихся уезда сплотиться вокруг Советов, разоблачать врагов революции, не поддаваться провокации, строго соблюдать трудовую дисциплину.

Демонстранты единодушно горячо приветствовали это выступление.

Затем на трибуне появился Киановский. Он произнёс напыщенную речь «о единении» сил народа, о борьбе с капиталом, оговариваясь, однако, что в деревне капиталистов нет, а есть только хлеборобы-крестьяне, что не следует увлекаться перераспределением церковных и кулацких земель и лесов, так как-де эти вопросы в недалёком будущем должно разрешить Учредительное Собрание и что только оно является хозяином земли русской.

Однако вслед за Киановским взяли слово комиссар Красной Гвардии Щекачёв, а затем Марацевич и я. Мы разоблачили хитрые уловки Киановского, разъяснили, что единственной защитницей интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства является власть Советов.

После митинга все демонстранты должны были следовать по намеченному маршруту. Но служащие Усовнархоза, во главе с Киановским, направились по другому пути. К ним примкнули лавочники, домовладельцы и всякого рода «бывшие люди». Однако эта часть демонстрации оказалась значительно меньшей по сравнению с той, которая состояла из сторонников Советской власти. Демонстранты, шедшие за председателем Усовдепа тов. Усольцевым, пели «Итернационал», «Смело, товарищи, в ногу». Эсеровская колонна выводила унылую: «Укажи мне такую обитель».

Через час обе колонны встретились у Народного дома (теперь Дом социалистической культуры). Большинство трудящихся были глубоко возмущены предательскими действиями эсеров и открыто проявляли негодование. Рослый, богатырского сложения красногвардеец Александр Михайлович Рогов с винтовкой в руках подбежал к «знаменосцам» эсеровской колонны, одним взмахом повалил их на землю, а самое знамя под бурю одобрительных возгласов разорвал.

Так закончилась попытка эсеров сорвать первомайскую демонстрацию в Тюкалинске. Она ещё раз отчётливо вскрыла подлинное предательское лицо эсеров и вместе с тем показала, как возрос среди трудящихся масс авторитет большевистской организации.

* * *

В половине мая из Омска было получено сообщение о концентрации контрреволюционных сил чехословаков и белогвардейских казачьих отрядов.

В ответ на это тюкалинские большевики вынесли решение укрепить Красную Гвардию, пополнить её ряды за счёт преданных делу революции людей, усилить посты в городе. Кроме того в сёла уезда были посланы специальные уполномоченные, которые проводили собрания бедноты и батраков, разъясняли им создавшуюся обстановку, призывали на борьбу с контрреволюцией.

В некоторых волостях, особенно в деревнях Кормиловской, Покровской, Андреевской, Калачинской и Куликовской волостей кулачество, подстрекаемое эсерами, уже открыто готовилось к восстанию. Для поддержания порядка в этих волостях приходилось использовать вооружённые отряды Красной Гвардии.

26 мая 1918 г., в связи с контрреволюционным выступлением чехословаков, Омск и его окрестности были объявлены на военном положении.

Тюкалинская большевистская организация и уездный Исполком, получив эту весть, энергично взялись за усиление красногвардейских отрядов.

Для того, чтобы увеличить запасы оружия и боеприпасов, в Омск был командирован член Усовдепа тов. Новиков. Ряды Красной Гвардии стали пополняться. Ежедневно начальник красногвардейского штаба тов. Щекачёв получал десятки заявлений от рабочих местных предприятий, батраков, бедняков с просьбой зачислить их в красногвардейский отряд.

Особенно много было желающих вступить в Красную Гвардию среди молодёжи Тюкалинска.

31 мая было опубликовано воззвание Западно-Сибирского оперативного штаба о борьбе с белогвардейскими бандами.

«Советская власть, — говорилось в нём, — обливаясь кровью в смертельной борьбе с капиталистами всех стран, защищает интересы рабочих, крестьян и трудового казачества. Ради блага миллионов трудящихся рабоче-крестьянская власть не потерпит, как со стороны класса имущих, так и со

стороны отдельных групп рабочих, крестьян и казаков, попустительства врагам и предателям революции.

Западно-Сибирский военно-оперативный штаб, которому Советская власть доверила верховное руководство обороной против натиска помещиков, капиталистов, кулаков и обманутых своими офицерами чехословацких отрядов, этот штаб, по целому ряду донесений, знает, что в некоторых станицах и сёлах, как-то: Евгащинская, Захламинская, Мельничная, Николаевка, посёлках Курганский, Волчий и другие и в их окрестностях имеются тёмные банды вооружённых людей, которые в тиши ночной пытаются подготовить предательский удар в спину делу рабочих, крестьян и трудового казачества. Западно-Сибирский военно-оперативный штаб предупреждает, что расправа как с этими бандами, так и с их укрывателями будет коротка и жестока...

Все, кто предан власти рабочих, крестьян и трудового казачества... обязаны напрячь все силы для борьбы с этими бандами, арестовывать их членов, а также контрреволюционных агентов и немедленно доносить о появлении их Западно-Сибирскому военно-революционному штабу (Народный дом при станции Омск), местным Советам, советским комиссарам и начальникам отрядов Советских войск» (Омский облгосархив, «Известия Западно-Сибирского и Омского областного Исполнительного комитетов» от 1 июня 1918 г.).

Большевики Тюкалинска, получив это воззвание, решили провести в городе и сёлах митинги. Трудящиеся Тюкалинска единодушно выразили горячее стремление всеми силами и средствами защищать Советскую власть.

Коллективы Исполкома Совдепа, почты и телеграфа потребовали вооружить всех своих работников, чтобы в любой момент можно было дать отпор врагам революции.

На общегородском митинге выступили женщины: мать двух красногвардейцев Цукалова, жена кузнеца Манева, сестра члена Усовдепа Марацевич, Блажневская и другие и в один голос требовали суровой расправы с врагами Советской власти. Молодёжь (Мигунов В., Даниловский С., Шавкун В., Ашихин Н., Щекачёв В.) здесь же на митинге заявила: «Зачислите нас добровольцами в Красную Гвардию и дайте нам оружие! Мы не подведём!»

Такие же митинги были проведены в волостях и сёлах уезда.

Беднейшее крестьянство и батраки также выразили готовность выступить в любой момент на защиту Советской власти. Только зажиточные крестьяне отмалчивались и, попрятавшись в горницах, с часу на час ожидали каких-то событий.

В те дни всеобщего революционного подъёма эсеры и их приспешники остались верны себе. Они устроили свой явно

контрреволюционный митинг в Усовнархозе. После выступления члена Усовдепа Голомедова, обрисовавшего создавшееся положение и призвавшего к объединению трудящихся для борьбы с контрреволюцией, взял слово Кияновский. Он сразу же обрушился на большевиков, якобы совершивших непоправимую ошибку — расколовших «единство» народа. Он требовал немедленного объединения всего народа, как деревни, так и города, без различия классов. Выступивший вслед за ним эсер Калябин также начал чернить политику Советов, которые-де очень рано взялись за отчуждение земель от крестьян-хлеборобов, не дождавшись разрешения этого вопроса общенародным Учредительным Собранием, напрасно-де оттеснили от революции зажиточную часть крестьянства.

Но предатели народа Кияновский и Калябин тут же были разоблачены одним из работников Усовнархоза П. А. Никулиным. Он с возмущением говорил о продажности, лицемерии эсеров — верных сторожевых псов буржуазии, о лживости лозунга «гражданский мир».

— Не может быть общих интересов у кулака и батрака, — сказал Никулин. — Не верьте Кияновскому и Калябину. Они хотят, чтобы мы, пролетарии, искали спасения у их хозяев — капиталистов.

1 июня Тюкалинский Уисполком получил решение заседания крестьянской секции Омского исполнительного комитета Совета «О текущем моменте в связи с восстанием чехословацких банд в Сибири».

«Обсуждая создавшееся положение. — говорилось в решении, — мы, крестьяне — члены Омского Областного Исполнительного Комитета Совета крестьянских и рабочих депутатов, признаём современное положение весьма тяжёлым и опасным для революции и, принимая во внимание, что защищают революцию только одни рабочие, которые, по нашему мнению, не смогут противопоставить организованным бандам достаточные силы, мы находим своевременным призвать в ряды Красной Армии и крестьян.

Для этой цели мы находим необходимым:

1) объявить экстренную всеобщую мобилизацию по всей Омской области среди крестьян;

2) мобилизовать молодых людей призывов 1917, 1918 и 1919 годов;

3) в ряды Красной Армии принимать добровольцев всех возрастов;

4) по миновании надобности все мобилизованные немедленно возвращаются домой, согласно декрету Совета Народных Комиссаров» (Омский облгосархив, ф. 284, д. 89, л. 38).

Получив это решение, Уисполком и тюкалинская большевистская организация постановили провести в уезде дополнительный призыв в Красную Гвардию. Беднота и батрачество большинства деревень охотно откликнулись на призыв.

Но в тех волостях, где сильно было эсеровское влияние (Царицынской, Куликовской, Калачинской, Корниловской), уполномоченные Уисполкома, проводившие мобилизацию, наталкивались на серьёзные препятствия. В деревне Кочковатая, Царицынской волости, мобилизованные крестьяне под влиянием кулака Богатырёва отказались ехать на сборный пункт. То же было и в селе Куликовском, где проводил агитацию против мобилизации крупный кулак Рожко.

Эсерам Кияновскому и Калябину было сделано на заседании Исполкома Совдепа предупреждение: если кто-либо из них или их агентов явно или тайно выступит с пропагандой, направленной к срыву мобилизации, то к ним будет применена только одна мера — расстрел без суда и следствия. Предупреждённые хотя и дали слово не противодействовать проведению мобилизации, но тайно продолжали вести свою контрреволюционную пропаганду.

Политическое положение в уезде всё более и более осложнялось. Кулачество начало открыто выступать против Советов. Особенно это проявлялось в юго-восточной части уезда — Еланской, Куликовской и Андреевской волостях.

Наступили уже первые дни июня, а командированный в Омск за оружием и боеприпасами Новиков все ещё не возвращался.

Наконец, 5 июня Исполком получил известие, что оружие в Называевке и дело с доставкой его в Тюкалинск задерживается только из-за отсутствия подвод.

Подводы из Тюкалинска были посланы утром 6 июня, а на следующий день прискакал верховой и сообщил Совдепу, что на обоз с орудием напали бандиты, разоружили Новикова, отобрали всё оружие (300 винтовок-трёхлинеек, пулемёт и 2 000 патронов) и скрылись в лесах по направлению к станции Называевка.

Из каких людей состояла эта банда, кто руководил ею, выяснить так и не удалось.

7 июня 1918 г. в Тюкалинске было получено неофициальное известие о том, что в Омске пала Советская власть, но телеграф уже не работал, и поэтому достоверных сведений мы не имели. Утром 11 июня 1918 г. в Тюкалинск ворвались белоказаки и, окружив здание Исполкома, начали при содействии местных купцов и эсеров проводить аресты членов Совдепа и других советских работников.

Тюкалинские красногвардейцы, вооружённые в большинстве 4-линейными винтовками (однопатронками), не в состоя-

нии были оказать серьёзного сопротивления превосходящим силам противника, и Тюкалинск оказался в руках белогвардейцев.

Захватив город, белогвардейцы стали наводить в нём свои порядки. В Тюкалинске начались массовые аресты большевиков, советских работников.

Казаков-карателей, как правило, сопровождали местные купцы, предприниматели, эсеровские «деятели» и указывали, кого нужно арестовать. По доносу эсеров и при их личном участии 11 июня были арестованы и посажены в тюрьму члены уездного Исполкома Совдепа большевики Павел Усольцев, Александр Щекачёв, Людвиг Марацевич, Василий Кошелев, Захар и Фёдор Войновы и многие другие.

Все арестованные подвергались истязаниям. Так, сестра Людвига Марацевич — Мальвина Блажневская рассказывала:

«К нам на квартиру ворвались белогвардейцы Клайшевич и Худорожко и первыми их словами, обращёнными к брату Людвигу, были: «Собирайся, гад!» Когда брат попрощался с женой, детьми и со мной и хотел взять с собой кусок хлеба, его начали избивать прикладом. «Хватит, поел хлеба, теперь будешь глотать свинец!» — кричали конвоиры.

Людвиг при прощании с женой и детьми только успел сказать: «Я не жалею своей жизни, знаю, что умру за наше родное народное дело, за дело Ленина. Убийцам отомстят за нашу кровь оставшиеся товарищи, наша партия».

Марацевича жестоко избили шомполами и посадили в «одиночку» и в течение первых пяти суток не давали ни воды, ни хлеба. Передач от родственников также не принимали.

Председатель Исполкома Усольцев решил не скрываться от преследователей, жалея мать и сестру, на которых озверелые белобандиты несомненно вымстили бы свою злобу. Перед арестом он сказал своему товарищу Бакаеву:

«Я останусь тут. Пока буду жив, буду работать и в тюрьме, ведь и там нужна наша работа, а ты, Никифор, отправляйся в подполье и продолжай борьбу. На всякий случай возьми мой наган и деньги, в трудную минуту они могут помочь тебе, а пока прощай!»

После ухода Бакаева, Усольцев был арестован и так же, как Марацевич, зверски избит и заключён в одиночную камеру.

Военный комиссар Красной Гвардии Александр Щекачёв также был арестован у себя на квартире белобандитами Клайшевичем и Фёдором Арро.

Вот как рассказывал об этом сам Щекачёв.

«Ко мне ворвались вооружённые белогвардейцы и прежде всего потребовали сдать им оружие. После того, как я

отказался выдать его, эти варвары набросились на меня и стали избивать прикладами, а затем с винтовками на изготовке повели в тюрьму. В ограде тюрьмы они снова избивали меня до тех пор, пока я не потерял сознания. Очнулся я на вторые сутки в камере № 2, где уже сидел Марацевич.

Около каждой камеры стоял часовой и следил за тем, чтобы заключённый всё время находился на ногах. При малейшей попытке арестованного сесть или лечь, в «волчок» (небольшое круглое отверстие в двери) просовывалось дуло винтовки и щёлкал затвор.

Через каждые два-три часа в камеру входил один из белогвардейских палачей, и начинался «допрос», сопровождаемый зверскими побоями. Первым всегда «допрашивался» я, а затем остальные, причем эти «допросы» вошли в обычный распорядок дня тюрьмы.

Дней через 10 после заключения палачи изменили методы пыток: они начали полосовать нас ремёнными плетьми, на конце которых вплетены свинцовые шарики. Били ими больше по лицу.

Кормили заключённых один раз в сутки: давали ломтик чёрного, похожего на кусок грязи хлеба и пол-литра воды. Передачи от родственников запрещались.

Особенно жестоко обращались с арестованными наши «земляки» — каратели Н. Ивлев, Н. Клайшевич, Ф. Арро, А. Мирошниченко, С. Зенкевич, И. Худорожков и другие».

Как только были проведены аресты в городе, белогвардейцы сформировали несколько карательных отрядов и бросили их в селения уезда. Вскоре белобандиты начали доставлять в тюкалинскую тюрьму арестованных членов сельсоветов и вообще всех заподозренных в сочувствии большевикам. Почти все арестованные были жестоко избиты и изувечены. Тяжёлые увечья получили большевики села Кобырдак — Александр Стенин, Даниил Вьюшков, Федот Афанасьев и большевики села Солдатское — Даниил Наседкин и Никита Кузнецов.

Для карателей, направленных в сёла, не существовало никаких законов правосудия. Всё решалось по личному усмотрению возглавлявшего бандитский отряд. Стоило кому-либо из кулаков из-за личной неприязни показать пальцем на человека и сказать: «Этот шёл за большевиками», как его арестовывали и пороли публично, прямо на улице.

Наиболее зверские расправы чинили банды карателей Ивлева, Носкова, Клайшевич, Кулакова. Каратели Ивлева, например, зверски замучили кассира Уисполкома тов. Екимова — крестьянина из деревни Красноусовой, скрывавшегося в полевой избушке в окрестностях села Пановского.

Многие большевики проявили во время ареста настоящее геройство. Когда каратели, при содействии местных кулаков,

обнаружили в селе Приозёрном заместителя председателя Уисполкома Фёдора Семёновича Голомедова, последний, решив не сдаваться живым, закрылся в амбаре и начал отстреливаться: «Всё равно, кровопийцы, не возьмёте меня живым, — заявил он им, — я с радостью отдам свою жизнь за дело революции, а вам, бандиты, не долго обманывать народ и издеваться над ним! Я умираю за Советскую власть, за партию большевиков!» С этими словами тов. Голомедов выстрелил в себя из своего браунинга.

Во время зверских расправ карателей с населением в Тюкалинске оформлялась, по указке Временного Сибирского правительства, новая контрреволюционная власть. Управляющим уездом был назначен белогвардейский офицер Клайшевич (сын тюкалинского купца), председателем уездной земской управы — эсер Сараханов (б. председатель Городской Думы), воинским начальником — присланный из Омска полковник Дорогин, уездным исправником — Аристов. Эта «четвёрка» вершила судьбы всего населения в уезде.

Приговоры этих палачей народа не подлежали никакому обжалованию.

Белогвардейцы и их прихвостни — эсеры терроризировали жителей города и сёл. Стоило только в той или иной деревне показаться верховому с винтовкой, как население от малого до старого бежало в лес или пряталось в своих жилищах, лишь бы избежать встречи с приезжим. Только кулачество встречало карателей, как дорогих друзей. Приезд и отъезд их всегда сопровождались попойками в домах местных богатеев.

На эти попойки в квартиры кулаков нередко приводили арестованных и здесь избивали их шомполами или просто тем, что попадало под руку. Эти пытки являлись как бы добавочным развлечением для пьяной компании белогвардейских кровопийц.

Деревни нашего уезда выглядели так, будто были опустошены страшным пожаром, уничтожившим всё, что было приобретено долголетним тяжёлым трудом.

Казаки в сопровождении эсеров и кулаков разъезжали по уезду и призывали добровольцев вступать в тюкалинскую белогвардейскую команду для борьбы с «красной опасностью». В эту команду принимались добровольцы преимущественно из зажиточного крестьянства.

Члены Совдепа и другие партийные и советские работники, которым удалось избежать ареста, ушли в подполье, с тем чтобы продолжать борьбу с белогвардейскими бандами и Временным Сибирским правительством. В числе ушедших в подполье были: Михаил Голубев, Михаил Куланов, Алексей Дунцов, Фёдор Татарников, Александр Лавровский, Иван Евдокимов, Степан Туманов и другие.

Эта группа товарищей связалась с омской подпольной большевистской организацией и по её заданию создала штаб противодействия белогвардейцам, он был назван: «Революционно-большевистский партизанский штаб».

Основной задачей штаба являлась подготовка населения к восстанию против белогвардейского Временного Сибирского правительства.

Обязанности среди членов штаба были распределены так. Подготовка населения к восстанию по деревням Конкуль и Покровка была возложена на братьев Голубевых (Тимофея и Михаила), Михаила Куланова и Андрея Вострухина. В деревне Бугровое работу проводили Дунцов Алексей и Иван Евдокимов (Макухин); в деревнях Зотино и Чащино — Александр Лавровский и я. Кроме того штаб поручил нам (мне и Лавровскому) издание различных революционных листовок, прокламаций.

В нашем распоряжении был набор шрифтов (правда, россыпью), захваченный Лавровским, который при Советской власти был в Тюкалинске редактором уездной газеты.

Вскоре мы выпустили первую листовку, озаглавленную: «Не верьте власти буржуазии, — это предатели трудового народа — это его убийцы!» В листовке говорилось о том, что белогвардейские кровопийцы пришли к власти благодаря помощи иностранных интервентов и только за тем, чтобы вновь оставить беднейшее крестьянство без земли, а рабочих заставить гнуть спину на фабрикантов и заводчиков.

«Никакой пощады власти капитала! Долой гнусных предателей! Никаких с ними соглашений! Вся власть Советам! Да здравствуют большевики — действительные защитники интересов трудового народа!» — призывала листовка.

Как первую, так и последующие листовки приходилось набирать ночами, при свете сальника, в крестьянских банях, в поле, лесу.

Однажды на след нашей передвижной типографии (это было вблизи деревни Чащино в так называемом Чащинском ряме) напала группа карателей. Нам удалось скрыться и избежать расправы только благодаря густым ивовым зарослям. После двух наших выстрелов бандиты не посмели преследовать нас.

Всего мы выпустили десять листовок. Эти листовки расклеивались, главным образом, в Тюкалинске и окрестных сёлах.

Активно помогали нам в распространении листовок тюкалинская молодёжь — Василий Шевкун, Николай Ашихин и другие.

Каждая листовка была событием в жизни уезда, вселяла надежду, волю к борьбе среди трудового населения, производила переполох среди белогвардейцев. Белогвардейские шпи-

оны делали обыски, перевёртывали всё вверх дном, стремясь обнаружить нашу типографию. Но всё было напрасно.

К началу августа 1918 г. наш повстанческий отряд уже насчитывал до 400 человек. Очень трудно было изыскать оружие для партизан; на первых порах мы учли около 50 винтовок военного образца, 300 патронов и 200 дробовых ружей. Затем были получены сведения, что есть спрятанное оружие в с. Пановском (у большевика Дмитрия Сизова) и в с. Камышенском (у Константина Кучумова — бывшего председателя волостного Совета). Штаб решил послать связных к этим товарищам и достать у них оружие.

К Сизову и Кучумову был направлен я, так как был с ними хорошо знаком. Пришлось пробираться ночами, стороной от больших дорог. Путешествие оказалось удачным: у Кучумова удалось достать 15 винтовок и 100 штук патронов, а у Сизова — 4 револьвера-нагана и около 50 патронов к ним.

В половине августа 1918 г. белогвардейцы объявили мобилизацию. Приказ о мобилизации был переполнен угрозами беспощадной расправы с теми, кто попытается уклониться от явки на призывные пункты. Вместе с этим было поднято на ноги духовенство, всегда являвшееся правой рукой капиталистической власти и помогавшее ей надевать петлю на шею рабочего класса и беднейшего крестьянства. Служители всех культов и исповеданий рьяно уговаривали народ идти на военную службу к белобандитам.

Однако ни строгость приказа, ни проповеди попов не помогли проведению мобилизации. Многочисленные сходы крестьян выносили решения, в которых ставилась под сомнение не только законность мобилизации, но и законность существования самого Временного Сибирского правительства. Ярким примером этому может служить решение крестьян Любинской волости от 26 августа 1918 г., в котором говорилось:

«...По обсуждении означенного вопроса на общем собрании Любинской волости мы единогласно постановили: призыв молодых людей вышеозначенного возраста признали неправильным. Кроме того, не видим от Временного правительства со дня его вступления в управление Сибирью никакого для всего крестьянства улучшения и получения обещанной земли, а таковая, как видно, с переходом власти перешла всецело в руки помещиков и капиталистов» (Госархив Омской области, ф. 2, ед. хр. 347-а).

Подпольные большевистские организации существовали во многих сёлах нашего уезда. Большая по численности организация была создана в селе Гагарино и в соседних с ним деревнях. Партизанский гагаринский отряд, руководимый большевиками, первым в уезде начал открытое и организованное вооружённое выступление против белогвардейского

правительства. Партизаны имели боевое задание — захватить железнодорожные станции Называевскую, Драгунскую и Мангут и дезорганизовать движение по железной дороге Омск—Ишим. Белогвардейская контрразведка через свою кулацкую агентуру была осведомлена о подготовке восстания и направила в Гагарино карательный отряд, состоявший из чехов и белоказаков.

Узнав о приближении карателей, партизаны расположились фронтом в гагаринских лесах и, подпустив белогвардейцев на близкое расстояние, открыли по ним огонь. Каратели были разбиты, а остатки их в беспорядке бежали. Позднее, числа 27—28 августа 1918 г., в Гагарино был отправлен второй более многочисленный карательный отряд. Каратели учинили зверскую расправу над местными крестьянами; многих расстреляли на месте, а несколько человек зарыли живыми в землю.

Весть о жестокой расправе белогвардейцев с мирным крестьянским населением быстро облетела все сёла Тюкалинского уезда и вызвала возмущение против Временного сибирского правительства. Терроризированное крестьянство (бедняки, батраки) уходило в леса. Люди бежали от мобилизации и пыток белогвардейских палачей.

Большие волнения возникли, например, в Саргатской волости, где повстанцами руководили большевики Рудаев и Бугаев. Но наиболее крупным было восстание крестьян, организованное подпольной большевистской организацией в самом Тюкалинске.

16 августа 1918 г. белогвардейцы назначили явку мобилизованных на сборный пункт Тюкалинска. Революционно-большевистский штаб решил поднять в этот день крестьян деревень Конкуль, Покровки, Зотино, Чащино и Бугровое.

План восстания был разработан такой. Вооружённые повстанцы на лошадях и пешком, окольными от просёлочных дорог путями, должны к 12 часам дня прибыть в Тюкалинск; отряды, прибывшие с восточной и северной сторон, одновременно по сигналу (выстрел на кладбище) окружают казармы, в которых расквартированы чехи, разоружают их, за счёт отобранного оружия пополняют своё вооружение; бугровинские повстанцы окружают в это время каменные казармы, где расквартирован был гарнизон местной команды; и по окончании этих двух операций объединёнными силами освобождают из тюрьмы политзаключённых.

В момент окружения казарм отряд зотинцев и чащинцев во главе с Кулановым и Тумановым захватывает почту и телеграф. Затем повстанцы должны были распустить по домам явившихся на сборный пункт мобилизованных и арестовать белогвардейскую «четвёрку» — Клайшевича, Сарафанова, Дорогина и Аристова.

Наиболее точными оказались зотинские и конкульские повстанцы. Они прибыли ровно в 12 часов. Несколько опоздали отряды из Покровки, Чащино, Бугровой.

По сигнальному выстрелу в час дня 16 августа 1918 г. повстанцы вошли в город. Небольшой отряд Куланова и Туманова (10 человек) занял почту и телеграф.

Были окружены также деревянные казармы, но неудачно. Очевидно заранее предупреждённые чехи перешли в каменные казармы, расположенные в южном конце города. Но так как партизаны не успели внезапно напасть на каменные казармы, то чехи, совместно с солдатами местной команды, открыли стрельбу и отразили нападение повстанцев.

Несмотря на это, отряду повстанцев во главе с братьями Голубевыми (Михаилом и Тимофеем) удалось прорваться на сборный пункт мобилизованных и организовать там народный митинг.

— Зачем вас собрали сюда? Чтобы лишать жизни своих же братьев и отцов ради белогвардейских извергов, — сказал Голубев, обращаясь к мобилизованным крестьянам. — Идите по домам и не поддавайтесь больше обману этих людоедов, наёмников капитала! Идите рука об руку с большевиками!

Мобилизованные единодушно поддержали призыв Голубева и все, как один (500 человек), оставили сборный пункт.

Мобилизация таким образом была сорвана. Однако под натиском превосходящих сил прекрасно вооружённых белогвардейцев партизанам пришлось отступить. Впоследствии мы узнали, что белогвардейцы были предупреждены о готовящемся восстании и усилили караул тюрьмы, а на пожарной каланче выставили наблюдательный пост.

Основная цель восстания — срыв мобилизации — была достигнута. Однако, если бы нам удалось сохранить втайне подготовку восстания и лучше организовать разведку, то мы добились бы больших результатов.

После отступления из города партизаны вновь ушли в подполье. Перепуганные тюкалинские «правители» в тот же день вызвали из Омска большой карательный отряд чехов, во главе которого стоял поручик Лопатчиков. В ночь на 17 августа каратели разъехались на автомашинах по деревням уезда, в первую очередь в деревни Бугровое, Чащино, Зотино, Покровку и Конкуль.

Утром 17 августа бандиты арестовали в деревне Бугровое большевика—руководителя восстания Ивана Евдокимова (Мухина), увезли в Тюкалинск и там расстреляли его вблизи казармы. Одновременно с Евдокимовым был расстрелян партизан Даниил Шестель. Каратели арестовали также второго руководителя восстания — Алексея Георгиевича Дунцова. Придя в сопровождении конвоирующих на допрос, Дунцов, как впоследствии рассказывали очевидцы, задал вопрос:

— Скажите, изверги и кровопийцы, сейчас будете меня расстреливать или ещё мучить хотите?

Каратель на ломаном русском языке ответил:

— Это будем посмотреть.

Тогда Дунцов выхватил из кармана гранату и сказал:

— Не позволю вам, людоедам, распоряжаться моей жизнью — она принадлежит пролетариату, за него я и отдаю её, а вам, предателям, всё равно недолго царствовать, наша Советская власть будет жить!

В то мгновение, когда перепуганные каратели стали выбегать на улицу, Дунцов, со словами: «Товарищи, отомстите за меня! Прощайте!», бросил себе под ноги гранату. Раздался оглушительный взрыв. Вместе с отважным партизаном погибло несколько белогвардейцев.

Террор в уезде усиливался с каждым днём. На улицах деревень массами пороли и избивали мирное крестьянское население. Истязаниям подвергались все те, на кого указывали кулаки.

Особенно зверски истязали расстреливаемых воинский начальник полковник Дорогин, управляющий уездом Клайшевич, исправник Аристов, купцы С. Ивлев вместе с сыном Николаем, Т. Кулаков, А. Носков, фельдфебель местной команды Иванов, местные головорезы Фёдор Арро, братья Весёлкины, начальник карательного отряда поручик Лопатчиков. Трупы расстрелянных, до неузнаваемости изуродованных пытками жертв белогвардейского террора валялись в поле, на просёлочных дорогах. Каратели настолько озверели, что у них даже не хватало терпения довезти людей до города.

Тюрьма превратилась в инквизиторский застенок. Здесь беспрерывно пытали, истязали заключённых большевиков. Расстреливали их группами и в одиночку.

Арестованные члены Усовдепа Усольцев, Марацевич, Щекачёв, Войнов, Иванов и Богданов ежедневно подвергались жестоким истязаниям. Их били шомполами, прикладами винтовок, кулаками и всем тем, что попадало под руку. Только утром истерзанные люди приходили в сознание, а к вечеру их снова начинали пытать.

* * *

Во второй половине ноября 1918 г. в Тюкалинском уезде был объявлен приказ о том, что вся полнота власти в Сибири перешла в руки адмирала Колчака, что он не будет считаться ни с какими партиями и группировками, установит «порядок» по своему личному усмотрению. Колчак объявлял себя верховным правителем Сибири.

В первое время часть трудового крестьянства предполагала, что положение его изменится к лучшему. Но когда в деревнях появилась масса приказов «верховного правителя», оповещающих, что борьба с большевизмом объявлена самая суровая и беспощадная, что малейший отказ от уплаты налогов и сборов или невыполнение распоряжений власти будут рассматриваться как преступление перед родиной и караться по всем строгостям военного времени, вплоть до расстрела на месте, и когда всё это стало осуществляться, трудящиеся убедились, что и от нового правительства ничего хорошего ждать нельзя.

Под бременем огромных налогов стонали не только бедняки, но и середняки, «строптивые» же, осмеливавшиеся проявлять своё недовольство правительственными распоряжениями, подвергались жестоким репрессиям.

Ненависть к колчаковскому правительству нарастала с каждым днём. Теперь к беднейшему крестьянству присоединились и середняки.

Многие из них уходили в урманную полосу Тарского уезда и присоединялись к партизанским отрядам. Так, например, крестьянин-середняк села Солдатское Василий Антонович Перков организовал группу крестьян и, оставив семью и хозяйство, направился в Тарский урман на соединение с партизанским отрядом тов. Избышева.

В деревне Усть-Лагатской, Новокарасукской волости, середняк Александр Андреевич Алгазин тоже организовал партизанский отряд из своих односельчан для борьбы с Колчаком. Вооружившись охотничьими ружьями, крестьяне ушли в урман. Ушли с целью организации партизанских отрядов и участники тюкалинского восстания Лавровский и я.

Из села Павловского ушёл во главе группы крестьян для соединения с партизанскими отрядами крестьянин Дмитрий Сизов.

В селе Камышинском бывший фронтовик Константин Колесников создал партизанский отряд из крестьян, уклонившихся от колчаковской мобилизации. Этот отряд также ушёл в урманную полосу для борьбы с Колчаком.

Колчаковские карательные отряды, присланные из Омска, а также солдаты местной команды, обмундированные в английскую форму и вооружённые с ног до головы за счёт иностранных интервентов, разъезжали по деревням и творили своё кровавое дело, бесчеловечно расправляясь с семьями, кормильцы которых ушли в партизанские отряды. Жёны, матери, сёстры партизан на глазах всего населения подвергались зверским истязаниям; отказывавшиеся указать местопребывание партизан (а таких было большинство) арестовывались и направлялись в тюрьму. Колчаковские тюрьмы были страшнейшим местом пыток и истязаний.

Комиссар Тюкалинской Красной Гвардии Щекачёв (умер 3 ноября 1949 г.), сидевший в то время в тюрьме, а затем переведённый в Омский концентрационный лагерь, так рассказывал мне о тюремных «порядках» при Колчаке:

«Вскоре после тюкалинского восстания, в тюрьму прибыл начальник карательного отряда. Он зашёл к нам в камеру и предложил мне добровольно вступить в армию, объясняя, что этим самым, мол, вы искупите свою вину перед Родиной. Когда я ответил, что не намерен быть палачом-братоубийцей, плеть засвистела в воздухе, оставляя глубокие, кровавые раны на моём теле. Как я узнал позднее, такое же предложение было сделано тт. Усольцеву, Марацевич, Войнову, Кошелеву, Богданову, Иванову и другим большевикам, и все они отказались быть изменниками революции».

«В конце сентября 1918 г., — рассказывал далее тов. Щекачёв, — колчаковцы решили вывезти группу заключённых большевиков (под видом отправки в омскую тюрьму) за город и расстрелять около озера Горького, что в 9 километрах от Тюкалинска по Называевскому тракту. Партия пересылаемых состояла из 27 человек. Разместили нас на подводах; каждого заключённого сопровождали два конвоира. Провожать арестованных пришли многие тюкалинцы и открыто требовали от конвоиров не чинить над нами расправы. Это ли подействовало на конвой или была другая причина, но на привале около озера Горького того страшного, чего мы ожидали, к счастью, не произошло, и мы благополучно прибыли в омскую тюрьму. Из омской тюрьмы, ввиду того, что ещё не были получены материалы обвинения, нас перевели в концлагерь. Положение заключённых в концлагере было ужасным: одежда почти у всех отбиралась (палачи оставляли арестованным только лохмотья).

Дневной паёк наш состоял из 100, редко 200 граммов хлеба, вернее не хлеба, а какого-то суррогата, были дни, когда и этого хлеба заключённые не получали; иногда нам приносили подобие супа, сваренного из протухших рыбьих головок. Режим был настолько тяжёлым, что из-за голода и холода среди заключённых начали распространяться различные заболевания, которые нередко кончались смертью.

Но большевики, сидевшие в лагере, не прекращали работы и в этих страшных условиях.

Омская подпольная большевистская организация наладила связь с политзаключёнными лагеря. С помощью находившихся на воле большевиков, мы организовывали побеги отдельных заключённых.

Осенью же начали подготовку к массовому побегу из лагеря (посредством подкопа). Но один из заключённых воп-

реки нашим планам, попытался сделать подкоп в другом месте; его сразу же обнаружили, одновременно заметили и наш подкоп для массового побега. Большинство организаторов подкопа в тот же день было расстреляно палачами. После этого ещё больше ухудшилось наше и без того ужасное положение. Ежедневно пошли расправы и истязания. Иногда заключённые большевики нападали на вооружённых часовых, чтобы дать возможность бежать из лагеря своим товарищам, и нередко это удавалось.

Колчаковская разведка начала посылать в лагерь под видом арестованных своих шпионов, которые доносили о всех наших планах тюремщикам и нередко срывали побеги. Заключённые обычно скоро изобличали предателей и тогда колчаковские ищейки платились жизнью. Никакие репрессии, — говорил Щекачёв, — истязания, пытки не могли сломить нашей воли к борьбе с предателями народа, стремления вырваться из тюремных стен на свободу».

Партизанское движение, руководимое омской подпольной большевистской организацией, ширилось и крепло, охватывая всё новые и новые деревни. Колчаковские репрессии, зверские истязания, расправы, разорение целых деревень уже не могли подорвать силу повстанческого движения, а только увеличивали гнев народный.

Карательные отряды, которые посылал Колчак в наш уезд, при стычках с партизанами часто терпели поражения; крестьяне, вооружившись винтовками, а иногда и пулемётами, отобранными у карателей, пробивались в урман Тарского и Тобольского уездов, чтобы соединиться там с партизанскими частями и идти навстречу приближавшимся регулярным частям Красной Армии.

При первых же известиях о приближении колчаковских воинских частей, крестьяне угоняли из деревень скот, прятали хлеб и другие продукты и уходили в леса.

В каждой деревне можно было видеть расклеенные на заборах приказы и объявления, изданные Колчаком, которые гласили об одном: за укрывательство уклонившихся от мобилизации, а также дезертировавших из колчаковской армии или большевиков и им сочувствующих (а таких становилось с каждым днём больше) подлежат расстрелу все крестьяне деревни (разумеется, кроме кулаков), а имущество их — реквизиции «на нужды армии».

Население, глубоко возмущённое зверствами колчаковцев, срывало все эти приказы, а кое-где на таких приказах появлялись надписи: «Всё равно не запугаете!»

Вскоре после августовского восстания в Тюкалинске я получил задание проникнуть в селения Камышинской и Пановской волостей (теперь входящие в Крутинский район) и

организовать там партизанский отряд, с которым затем или идти навстречу Красной Армии или соединиться с другими партизанскими отрядами и вступить в бой с колчаковцами.

На пути к Камышинскому мне пришлось побывать во многих сёлах и всюду я видел одну и ту же картину: полное разорение, нищету, голод трудового крестьянства; у одних был отобран скот, у других — последний хлеб, у третьих — домашние вещи, вплоть до женской и детской одежды и обуви.

В сёлах Камышинском и Пановском, при содействии членов сельсовета тт. Кучумова и Сизова, нам удалось организовать небольшой отряд. Местное население снабдило наш отряд верховыми лошадьми и разным вооружением. Мы решили двигаться на соединение с крупным партизанским отрядом Артёма Избышева.

Рыскавшие по деревням каратели не давали нам возможности быстро продвигаться вперёд. Но по пути наш отряд разрастался. Возмущённые бесчинствами, грабежами, зверскими расправами колчаковцев крестьяне оставляли свои семьи, хозяйства и присоединялись к партизанам.

Не приходилось нам ощущать нужды и в продовольствии: население охотно предлагало его партизанам или за невысокую оплату или совершенно безвозмездно. Крестьяне отдавали нам коров, овец, гусей. «Возьмите, — говорили они, — а то всё равно отберут у нас колчаковские изверги».

Однако наш поход оказался неудачным. Не доходя приблизительно километров 25 до Иртыша, отряд случайно встретился с крупной, хорошо вооружённой колчаковской частью. После упорного неравного боя с превосходящим противником, партизаны были разбиты. Я же, будучи раненым, попал в плен и отправлен под усиленным конвоем в Омск.

В Омске меня направили в контрразведку, которая размещалась по улице Томской. Здесь дали мне шесть дней передышки (никто не допрашивал, не истязал), а на седьмой день (часов в 9 вечера) следователь полковник Карпов, невзрачный с виду человек, с деланной вежливостью пригласил в кабинет «для объяснения». В кабинете он дал мне лист чистой бумаги и попросил написать, кто я такой. Затем он предложил сказать — в каком партизанском отряде я был комиссаром в городе Камышлове и где сейчас находится этот отряд; когда же я ответил отрицательно, следователь грубо закричал: «Подымай руки!» и начал наносить мне рукояткой нагана удары подмышки. Вскоре я потерял сознание и пришёл в себя только на нарах в камере.

Вместе со мной в камере находились большевики Карл Родэ, Владимир Мольтэ и омский рабочий-электротехник Черепанов*.

Затем каждый день, ровно в 9 часов вечера, следователь призывал меня «докончить начатое объяснение» и каждый

раз повторялась такая же экзекуция. «Допрос» этот продолжался в течение 13 суток. 13 мая 1919 г. меня перевели вместе с Карлом Родэ в омскую областную тюрьму.

В тюрьме нас не били, но зато сам тюремный режим был здесь не менее тяжёл, чем жестокие побои.

Ежедневно в 8 часов вечера к тюрьме подходила машина, и тюремщики начинали выводить из камер заключённых «по особому списку». Всех оказавшихся в списке усаживали в машину и отвозили к загородной роще — мы знали — на расстрел. Ежедневно эта машина делала по 3 рейса.

Так продолжалось до 12 ноября 1919 г. С того же дня начался массовый расстрел заключённых. Палачи «работали» с раннего утра до ночи. В первой партии было расстреляно около 100 человек, во второй и третьей приблизительно такое же количество.

14 ноября 1919 г. дошла очередь и до меня. Но в этот день Красная Армия, взяв Омск, освободила и спасла жизнь сотням заключённых.

Чувствуя свою неизбежную гибель, озверевшие колчаковцы проводили массовые расстрелы заключённых не только в омской тюрьме, где, как заверяли палачи, содержались «особо опасные большевики», но и в других тюрьмах.

Так, 10 ноября 1919 г. колчаковский карательный отряд под командой французского полковника Мокри, проходя через Тюкалинск, учинил дикую расправу над большевиками, находившимися в тюкалинской тюрьме. Этому содействовали начальник тюрьмы и его приближённые — Саютин, Чусовикин, фельдфебель местной команды Иванов. Пьяные белобандиты выстроились в два ряда, оставив промежуток в полтора—два метра, и по этому «коридору» под звуки похабных песен, выносили из тюрьмы на штыках людей и уже здесь докалывали свои жертвы, добивали прикладами.

Первыми были замучены большевики Павел Усольцев, Людвиг Марацевич, Афанасий Дунаев. Всего в этот день погибло 47 человек.

Большевик тов. Покровский, чудом спасшийся под нарами от этой казни, рассказал:

— Пьяные каратели зашли к нам в камеры и закричали: «Собирайся на тот свет!» Все молчали. Тогда они обратились к сопровождавшему их тюремщику:

— А вы что молчите, отворяйте шире двери и говорите, кто из этих — большевики! Стоило тюремщику ткнуть в кого-нибудь пальцем, как изверги набрасывались на него, поднимали на штыки и, держа таким образом на весу, запевали

---

* Родэ и Мольтэ были расстреляны колчаковцами 12 ноября 1919 г. а Черепанов был замучен до смерти в контрразведке.

какую-нибудь похабную песню. Некоторые из погибших перед смертью призывали народ к борьбе с колчаковскими палачами. Усольцев, например, успел крикнуть: «Прощайте, товарищи! Доканчивайте начатое нами дело социалистической революции! Крепко держите в руках красное знамя!»

Так, не склонив головы перед колчаковскими палачами, героически погибли сорок семь большевиков Тюкалинска — борцов за дело социалистической революции.

Вечная память вам, дорогие товарищи! Красное знамя осеняет ваши могилы!

* * *

В 2 часа дня 11 ноября 1919 г. Тюкалинск снова стал советским, вновь его улицы были украшены знамёнами, обагрёнными кровью тех, кто отдал свою жизнь за дело трудового народа.

В этот день в Тюкалинске возродилась Советская власть и был создан уездный революционный комитет.

Как и весь советский народ, тюкалинцы знают только один путь — это путь, указанный Лениным и Сталиным, — путь к коммунизму!

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

48738

1 р.

ОМСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО